

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-3-5
УДК 930.85

Беженару Людмила Ефимовна
Доктор филологических наук, доцент,
Ясский университет им. А.И. Кузы,
(Яссы, Румыния)
ludbejenaru@gmail.com

Bejenaru, Ludmila
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Alexandru Ioan Cuza University of Iasi
(Iasi, Romania)
ludbejenaru@gmail.com

Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики *

Region as a Subcultural Locus of Cultural Regionalism and Regional Geopoetics

Аннотация. Теория интеграции в рамках функционального подхода рассматривает регион как активную и динамически развивающуюся единицу. В сформулированной в работах К. Дойча теории плюралистической коммуникативной интеграции, регион может как конструироваться, так и деконструироваться в идеально-символическом и в пространственно-географическом отношении. В данном контексте мы рассматриваем регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики. Общность «малой родины» рассматривается нами как основа региональной идентичности, а литература «малой родины» – как региональная модель литературы, имеющая статус региональной по отношению к материковой и описывающая этновитальность и вневременность локуса и его пространственные образы. Региональный литературный процесс выстраивает локальную литературную модель, своеобразный аналог национального литературного процесса.

* Для цитирования: *Беженару Л.Е.* Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопэтики // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 3. С. 975–1026. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-3-5

For citation: Bejenaru, L. “Region as a Subcultural Locus of Cultural Regionalism and Regional Geopoetics.” *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 3, no. 3 (2019): 975–1026, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-5](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-5)

© Беженару Л.Е., 2019

© Bejenaru L., 2019

Ключевые слова: регион, регионалистика, литература «малой родины», региональная модель литературы, локальная литературная модель.

Abstract. The theory of integration within the framework of the functional approach considers the region as an active and dynamically developing unit. In the theory of pluralistic communicative integration formulated in the works of Karl Deutsch, a region can be both constructed and deconstructed in ideally-symbolical and spatially-geographical terms. In this context we view the region as a subcultural locus of cultural regionalism and regional geopoetics. The commonality of the “small homeland” is considered by us as the basis of regional identity, while the literature of the “small homeland” is considered as a regional model of literature that has regional status in relation to the mainland and describes the ethno-vitality and timelessness of a locus and its spatial images. The regional literary process builds the local literary model, which is a kind of analogue of the national literary process.

Key words: region, regionalism, literature of the “small homeland”, regional model of literature, local literary model

«Регион просит ребрендинга»

Художественная литература всегда была важнейшим источником для изучения образов географического пространства и генератором геопозитических образов, влияющих на процессы национальной и территориальной идентичности. Интерес к пространственным проблемам литературного творчества, к метагеографии и моделированию пространственных образов, к возобновлению новых «территориальных мифов» (Игорь Сид)¹ не только отождествляется, коррелирует и переплетается с исследовательскими направлениями «литературное краеведение», «литературная регионалистика», «культурная и гуманитарная география», но и приводит к возникновению новейшего направления «геопозитика»², которое фиксирует взаимодействие и единство ландшафта (гео) и культурной формы (поэтика) и определяется как

¹ См.: Сид И.О. Геопозитика. Эссе, статьи, комментарии. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017.

² Изначальную – мистическую – геопозитику «придумал» в 1979 г. в одной из своих экспедиций шотландский эссеист Кеннет Уайт (См.: White K. Guido's Map: A European Pilgrimage. – Aberdeen: Aberdeen university press, 2015; White K. The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge. – Aberdeen: Research institute of Irish and Scottish studies, 2013). Существует множество определений геопозитики «метафизическое краеведение», «мифогеография» (И.И. Митин), «гуманитарная география», «сакральная география», «геокультурология», «геолитературоведение». Научный же подход к новому понятию продемонстрировали участники состоявшейся в 2009 г. 2-й Международной конференции по геопозитике, посвященной уточнению геопозитической терминологии.

интеллектуальное (ментальное, художественное и пр.) освоение человеком географического пространства; совокупность форм и средств этого освоения³.

Возникновение *геопоэтики* (здесь и далее выделено курсивом *автором*) связано с определением влияния географического пространства на духовную жизнь нации, с необходимостью новой концептуализации (исторической, геополитической, антропологической, философско-эстетической) территории, а также с выбором доминирующих черт ландшафта, его специфических особенностей и символов. «Genius loci (гений места)», который, по определению Петра Вайля, связывает «интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой»⁴ «может быть истощен, как скважина» (Игорь Сид), потому что регенерирование новых мифов – это новый импульс к исследованию **локальных** (здесь и далее выделено жирным шрифтом *автором*) явлений культуры (городских, региональных, национальных). «Регион с богатой мифологией (исторически достоверной или целиком сочиненной) привлекает, <...> его жизнь становится более богатой», потому что «регион просит ребрендинга», уверены представители Крымского геопоэтического клуба⁵. Уральские исследователи (Е.Г. Власова, В.В. Абашев, А.В. Фирсова) определяют геопоэтику «как картирование культуры», с одной стороны, и «как работу по формированию географически дифференцированного *тела* культуры»⁶, с другой.

Познание географических «смыслов» и «образов», которыми наполнено геокультурное пространство в воображении людей разных эпох, территорий, культур, и *пространство как образ* представлено вне историософского или даже геософского осмысления проблемы цивилизационной идентичности. *Пространство как образ* предполагает и иное видение хронотопической структуры

³ Бойко М. Новая нефть [Беседа с И.О. Сидом] // Независимая газета. – 2011. – 27 октября. – URL: http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html (дата обращения 01.02.2019)

⁴ Вайль П. Гений места. – Москва: КоЛибри, 2006. – С. 3.

⁵ В составе клуба – Андрей Балдин, Ольга Балла, Екатерина Дайс, Дмитрий Замятин, Сергей Жадан, Александр Люсый, Вадим Рабинович, Рустам Рахматуллин, Игорь Сид, Татьяна Хофманн. Игорь Сид определяет в геопоэтике среди последовательных «волн» мировой истории: аграрной, индустриальной, постиндустриальной, «начало четвертой волны, которую условно называет «мифологической». Процесс этот родственен добыче нефти. Ударными темпами из земли выкачивается метафизическая энергия. Энергия, некогда привнесенная туда мифотворчеством поэта» (См.: Введение в геопоэтику: антология / Составитель И.О. Сид. – Москва: Арт Хаус медиа; Крымский клуб, 2013). – С. 57.

⁶ См. сборник статей: Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII – начала XX в.: сборник статей / составители Е.Г. Власова, В.В. Абашев. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. (В.В. Абашев, А.В. Фирсова. План местности: литература как путеводитель // Текст и карта. – С. 7–22; А.В. Фирсова. Литературное картирование пространства // Текст и карта. – С. 23–39; Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях XVIII века // Текст и карта. – С. 51–75.)

текста и параметра пространства. Пространство в геопоэтике само поглощает времена, а локальные хронотопы обретают осмысливающую силу.

Именно в пространстве сосуществуют времена, именно через пространство разновременное предстает как одновременное; в пространстве вещь (не-знак) обретает свойство коннотативного знака, пространство «работает» как память, как последний и универсальный интертекст. Размыкание локальных хронотопов осуществляется через вневременность пространства, и сам текст своим устройством воплощает этот хронотоп без времени, в котором необратимое конкретное событие обретает иной временной статус благодаря мнемическому – метонимическому следу, которым оно прикрепляется к пространству⁷.

В исследованиях последних лет на основе идей М.М. Бахтина хронотоп определяется уже как структурный закон жанра. По аналогии можно выделить типологический ряд хронотопов на основании национальных особенностей той или иной литературы.

Ориентация на архаику мифа – это подход, который, на наш взгляд, наиболее ярко высвечивает национальные корни литератур, дает возможность понять сходство–расхождение западных и восточных мифических тем и образов пространства. Общезначимая мифопоэтическая парадигма современных постмодернистских текстов национальных литератур образует трансформацию знаков пространства, интерпретирует национальные символы.

Регион как часть европейской мысли

В настоящее время представители разных наук (истории, философии, культурологии, социологии, географии, этнографии, литературоведения и др.) обращаются к изучению локальных явлений культуры (городских, региональных, национальных). Обращаясь к пространству, филология входит в сферу прагматики литературного текста, потому метод

своеобразного картирования геокультурных значений и семиотического анализа может лечь в основу универсальной методики по интерпретации отдельных текстов и явлений в перспективе общего развития локальной культуры,

– считает Е.Г. Власова⁸, ссылаясь на размышление В.В. Абашева и А.В. Фирсовой о влиянии литературного текста на пространство:

⁷ Ревзина О.Г. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамичная система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. 19–22 мая 2005 г. / под редакцией Н. А. Фатеевой. – Москва: Азбуковник, 2006. – С. 265–279.

⁸ Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчёты об учёных путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 170.

Связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его виды и детали, писатель изменяет само место. Он по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, сообщает месту новую персонологию и событийность. <...> литературный текст конструирует идеальное символическое пространство, но, попадая в место-прототип, читатель пользуется художественным произведением инструментально, как своего рода путеводителем. В подобных случаях особенно отчетливо проявляется один из специфических аспектов прагматики литературного произведения – его картирующая функция⁹.

Этот процесс, иногда именуемый «когнитивной картографией» («cognitive mapping»), оставляет большое пространство для изучения образности и метафоричности языка *региона*.

В регионалистике, самостоятельной отрасли знания и практического действия, существует понятийный аппарат, в чьем составе «кодовых слов» плюрализм термина *регион* имеет несколько определений понятия. Регион определяется в зависимости от конкретных целей наук, изучающих этот феномен. Теория интеграции в рамках функционального подхода рассматривает *регион* как активную и динамически развивающуюся единицу. В сформулированной в работах К. Дойча теории плюралистической коммуникативной интеграции¹⁰, *регион* может как конструироваться, так и деконструироваться в идеальном-символическом и в пространственно-географическом отношении. Не одинаковы и критерии выделения регионов: различаются регионы, выделяемые на основе признаков гомогенности (однородности), с одной стороны, и когерентности (внутреннего единства, системности) – с другой¹¹. С точки зрения Дойча, региональная интеграция может развиваться по аналогии с тем, как в национальных рамках укрепляется солидарность людей. Ему принадлежит трактовка региональных блоков государств как «сообществ безопасности». Он также подчеркивал, что если в национальной интеграции главное — это создание формальных институтов, то в международной интеграции — это достижение мира и безопасности через укрепление взаимного доверия между населяющими государства народами.

В первой половине XX века *регион* стал частью определенной европейской мысли, которая наряду с общественно-политическим движением включает развитие региональной концепции как одного из методов географии, а также как

⁹ Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 98.

¹⁰ Deutsch K.W. The Development of Communication Theory in Political Science // History of Political Economy. – 1975. – Vol. 7. – Iss. 4. – P. 482–498.

¹¹ Deutsch K. On nationalism, world regions, and the nature of the West // Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan / Ed. by Per Torsvik. – Bergen; Oslo; Toronto: Universitets forlaget, 1981. – P. 2–8.

эффективного продвижения региона в сфере культуры и расцвета региональной литературы.

Лозунг «Европа регионов»¹² как новая парадигма развития геополитики положил в конце 60-х гг. XX в. начало современному процессу перехода от «Европы государств к Европе регионов». Речь идет о повышении роли регионов в архитектуре европейского континента, развитии европейской интеграции и общеевропейском сотрудничестве, которое в прежние десятилетия тормозилось жестким противостоянием двух систем. Взаимозависимость современного мира обусловила высокую степень общности этого процесса как для Западной, Центральной и Восточной Европы, так и для России. В то же время каждый отдельный европейский регион по-своему реагирует на вызовы времени. Это порождается национальными, культурными, историческими, геополитическими, правовыми, социальными и экономическими особенностями региона¹³. Своеобразной «библией» регионов в этой области является Европейская хартия местного самоуправления (в том числе и Европейская хартия региональных языков), принятая Советом Европы в 1985 г., хотя и не ратифицированная до сих пор большинством его стран-членов, в которой упоминаются культурные, экономические, социальные, административные регионы¹⁴, создание Комитета регионов как консультативного органа, состоящего из представителей региональных и местных автономий, призванного смягчить противоречия региональности, накапливающиеся внутри экономического пространства ЕС, не вынося их на более высокий, глобальный уровень.

Изучение одновременно протекающих процессов глобализации, с одной стороны, и регионализации (с ее крайним проявлением в виде локализации, т. е. иерархизации регионов до локального, местного уровня), с другой, привело к попытке сконструировать термин «глокализация». Регион далеко не всегда выступает в качестве территориальной единицы государства. В настоящее время в Европе существует более 30 регионов, объединенных в Рабочую группу по

¹² «Европа регионов» – форма европейского регионализма, трансграничного сотрудничества и интеграции на континенте. Теоретически впервые была обоснована в труде Поля Видаля де ла Блаша «Восточная Франция» (1917). Французский географ и геополитик, автор концепции «поссибилизма» и создатель французской географической школы особое значение придавал географии человека, утверждая, что ландшафт является продуктом не только природных событий, но и трудов человека. Ученый предложил неконфликтную идею превращения спорных пограничных земель Эльзаса и Лотарингии в зону взаимного сотрудничества между Францией и Германией. См.: *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – Москва: Мысль, 1983. – С. 66–67.

¹³ См.: *Зонова Т.В.* От Европы государств к Европе регионов // *Полис.* – 1999. – № 5. – С. 155–164.

¹⁴ *Вайденфельд В., Вессельс В.* Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. – Рига: Alberts XII, 2008. – С. 15.

приграничным региональным программам¹⁵. «Программа средиземноморской интеграции»¹⁶, немецко-голландский «Еурегионс», соглашение между Швейцарией, Францией и Германией «Регио Базиленсис», так же как и «синергический треугольник», охватывающий пространство от Барселоны и Карлсруэ до Милана, морской путь «Атлантическая арка», локомотив европейского промышленного развития «Моторная четверка» (Four Motors Association) призваны быть существенными факторами взаимосвязи между экономическим опытом территорий, входящих в состав региона, и группами, выражающими те или иные интересы. В этом смысле регион рассматривается как некая единица, которая определенным образом реагирует на изменяющиеся условия, воздействующие на экономический рост и благосостояние¹⁷. «Альпийская конвенция»¹⁸ в целях расширения трансграничного сотрудничества на страны Восточной Европы разрабатывает региональную программу для Карпат. Для этого на основе уже действующей программы «Евромонтана» разрабатывается новый проект – «Карпатомонтана».

В этом направлении встает проблема разработки определенной законодательной базы европейского регионализма, так называемой «региональной (территориальной) автономии»¹⁹, которая сможет обеспечить прочную основу концепции «нового регионализма»²⁰, опирающейся, в частности, на принцип субсидиарности, то есть механизма перераспределения компетенции, соучастия (в партнерстве) и гибкого финансирования. Особенное внимание и квалифицированная помощь, по мнению Константина Казенина, должны быть уделены региональной политике России, где была создана особая экономика для Чечни, которая привела к формированию ненависти к жителям этого региона России, и

¹⁵ Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов. – С. 155–164.

¹⁶ Французский регион Южных Пиренеев разрабатывает совместные инициативы с Северной Португалией, а Ломбардия – с Каталонией.

¹⁷ Клемешев А. П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 22.

¹⁸ В 1991 году в Страсбурге была подписана «Альпийская конвенция», в рамках которой Италия отвечает за разработку проектов развития альпийского сельского хозяйства, энергообеспечения и водных ресурсов, Франция – за туризм и территориальное управление, Швейцария – за транспорт, Германия – за защиту окружающей среды и улучшения почв, Австрия – за сохранение горных лесных массивов.

¹⁹ Проблематика законодательной базы европейского регионализма обсуждалась в рамках конференции La 3-me Conference europeenne des regions de montagne. Congres de pouvoirs locaux et regionaux de l'Europe: Chamonix, 15–17 septembre 1994. По материалам конференции был издан сборник Politique culturelle locale et regionale en Europe: competences et pratiques, Etudes et travaux: Les editions du Conseil de l'Europe. – Strasbourg: Conseil de l'Europe, 2000.

²⁰ «Новый регионализм» как парадигма для исследования политических стратегий отражает изменения в подходах как к исследованию, так и изучению самих практик регионализации и региональной интеграции, происходящих в постбиполярном мире.

региональным проблемам Украины – композитной страны, которая состоит из отдельных макрорегионов, строящих отношения друг с другом не на принципе диалога, а на противостоянии²¹.

Взаимопониманию и диалогу нужно учиться на основе комплексных исследований взаимодействия различных аспектов бытия человека и среды его обитания, которые призваны избежать крайностей «одномерных» трактовок пространства культуры. Полная «свобода выбора маршрута» (*freeriding*), согласно планам «регионалистов», неизбежно обеспечит повышение уровня «транснациональности»²² европейской культуры, для чего создана еще одна региональная программа – «Культурная столица»²³, которая должна способствовать раскрытию как культурного разнообразия Европы, так и общеевропейских культурных ценностей. Тема программы должна быть актуальна для всей Европы, а также для всего населения страны – такие условия предъявляет Еврокомиссия к городам-претендентам на титул культурной столицы, определяя тем самым и сущность кросс-культурной коммуникации, которая заключается в равноправном диалоге и во взаимодействии ценностных образцов различных культур. Условия ЕС по отношению к ежегодной культурной столице, так же как и ответ на вопрос: «Москва — это мировая культурная столица или нет?» – Марат Гельман дополняет критерием *интереса художника к локусу*:

сколько иностранных художников работает в Москве. Ты не можешь сделать хорошо только для *своих* — либо всем хорошо, либо всем плохо. Поэтому Москва не стала интернациональным городом. Пока здесь не будет интересно художнику, где бы

²¹ Казенин К. Кавказ. Сотрудник Института экономической политики имени Гайдара, соавтор доклада «Северный Кавказ: Quo vadis?» Константин Казенин – о распаде клановой системы и о том, почему люди уходят в экстремисты // Афиша. – 2014. – № 362. – URL: <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kavkaz-konstantin-kazenin/> (дата обращения 01.02.2019)

²² В современных условиях особую важность приобретает межкультурная (транскультурная – кросс-культурная) коммуникация, которая осуществляется в самых разных сферах человеческой жизни: экономическое, политическое, военное сотрудничество, различного рода культурные события (выставки, фестивали), учеба за рубежом, мода, спорт, туризм. Тенденции к глобализации выступают катализатором процесса кросс-культурной коммуникации, придавая ей новые качественные формы в процессе региональности в контексте стран Восточной и Западной Европы.

²³ Существование Европейской «Культурной Столицы» – возможность показать богатство и разнообразие европейской культуры и европейскую идентичность. По инициативе греческого министра культуры Мелины Меркури 13 июня 1985 г. было положено начало выбору культурной столицы Европы, инициативе, состоящей в ежегодном избрании того или иного города центром культурной жизни континента с целью привлечения внимания к его культурному развитию. Титул культурной столицы Европы присуждается специальной комиссией с 1985 г., когда открыть престижный список довелось Афинам. С тех пор участниками проекта стали 37 городов.

он ни родился, на каком бы языке ни говорил. <...> цивилизация становится городской, патриотизм становится городским. В Германии никто тебе не скажет — «я немец», обязательно — «я берлинец» или «я мюнхенец»²⁴.

Сибирский прозаик Владимир Берязев считает, что «человек должен перемещаться в пространстве для того, чтобы встретиться с самим собой»²⁵.

Регионы выполняют и определенную *фронтирную* роль. Сибирь считают новым центром России и Евразии, находящимся как посередине между Европой и Китаем, так и в центре самого перспективного экономического района мира между Северным Ледовитым и Индийским океанами. В проекте Ю. Крупнова о неоиндустриальной миссии Юга Западной Сибири²⁶ складывается перспектива нового макрорегиона – Нового Среднего Востока или Срединной Евразии, включающего классический Средний Восток (Иран, Афганистан, Ирак и Пакистан), Среднюю Азию и саму Западную Сибирь, как и проект нового города – Сибстрима – сетевого города, соединяющего воедино крупнейшие города Юга Западной Сибири и предполагающего расселение Москвы и Московского столичного региона, своего рода направленное «размосквичивание». Большая семья как новый русский стандарт, считают авторы проекта, необходима не только в целях преодоления национальной демографической катастрофы, но и в качестве важнейшего культурно-этнического ресурса.

Вышесказанное по поводу образности и метафоричности региона, как и разнообразный и интересный понятийный аппарат иллюстрируют и подтверждают конструируемый характер региональных образов, отношений, мифов. Под *регионом* исследователями понимается

такая территория или составная часть государства, которая с исторической, социальной и географической точек зрения может быть рассмотрена как относительно единая²⁷.

²⁴ Гельман М. Культура. Создатель проекта «Культурный альянс», куратор и галерист Марат Гельман о культурной политике, о необходимости развивать регионы // Афиша. – 2014. – № 362. – URL: <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kultura-marat-gelman/galeryst> (дата обращения 01.02.2019)

²⁵ Берязев В.А. Моя ойкумена. Проза. Очерки. Эссе. – [Б.м.]: Ridero, 2017. – URL: <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beryazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html> (дата обращения 01.04.2019)

²⁶ Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или Как Юг Западной Сибири станет центром новой индустриализации // Военное обозрение. – 2013. – 23 августа. – URL: <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializacii.html> (дата обращения 01.02.2019)

²⁷ Mecklenburg N. Erzählte Provinz. – Koningstein: Athenäum, 1982. – P. 10.

Вслед за В. Федоровым, мы относим к одному из методологических подходов, дающих возможность комплексного рассмотрения социокультурных особенностей территории региона, и концепцию *культурного ландшафта*. Несмотря на отсутствие однозначной трактовки понятия «культурный ландшафт» в современной науке, в наиболее общих чертах под ним можно понимать комплекс как материальных, так и духовных форм культуры (включая особенности жизненного уклада того или иного сообщества), сформировавшихся в процессе освоения территории²⁸. Мы рассматриваем регион как *субкультурный локус культурной регионалистики*²⁹ и *региональной геопоэтики*, типологизирующими критериями которого выступают его специфика как «ландшафтного тела» (В.Л. Каганский) и «очеловеченного пространства» (В.И. Вернадский). Речь идет о рассмотрении региона как определенного единства, обусловленного его структурой, внутренними связями, среди которых в качестве существенного связующего звена между людьми и регионом рассматривается *genius loci / чувство места* (Петр Вайль, С. Анциферов, Хория Зилиеру). Концепция *чувства места* предполагает, что люди, населяющие регион, пережили определенный коллективный опыт, на основе которого формируются общие устремления, интересы, цели и ценности. *Чувство места* можно связать в этом смысле с *душой* народа, которая, по определению немецкого ученого В. Вундта, не просто сумма индивидов, а их связь и взаимодействие, определяющие своеобразные закономерности развития данного народа. «Народный дух» рассмотрен ученым как высший психический процесс, «апперцепция» или коллективная творческая деятельность, которую следует изучать с помощью конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, составляющих, по его мнению, основные области народной психологии³⁰. «Дух народа» отражается в национальном характере, который изучается современными исследователями не в его статике, а в динамике этноса и отношений человека с пространством. Исследователь национального менталитета Г.Д. Гачев вводит понятие «*национальная целостность*», под которой понимается «*единство национальной природы*» и «*единство национального характера народа*»³¹. Ученого интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, национальная логика, склад

²⁸ См.: Федоров Р.Ю. Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. – 2007. – № 2(16). – С. 133–139.

²⁹ Культурную регионалистику мы рассматриваем, вслед за В. Стрелецким, как составную часть культурной географии, занимающуюся комплексным исследованием культурных регионов и феномена культурного регионализма.

³⁰ См.: Вундт В. Проблемы психологии народов. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – С. 13–19.

³¹ См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – Москва: Прогресс-Культура, 1995.

мышления: какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир, и, соответственно, какой Космос-Логос-Локус выстраивается и реализуется в его стиле существования, каким образом отражаются в координатной сетке его мировосприятия ось пространства и ось времени.

На основе данного подхода формируется и трактовка региона Ф. Броделем, которую можно определить как этно-философскую: регион является аналогом особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением. В этой концепции чувства места *общность* «малой родины» рассматривается нами как **основа региональной идентичности**, как специфический «интегральный компонент» (В.В. Абашев) в процессе регионального литературного развития. Она переплетается с метарегиональной географией с точки зрения *локуса*, этнокультурной и исторической самобытностью, исторически глубокой традицией территориального самосознания и региональной уникальностью. В контексте поисков территориальной и региональной идентичности закономерно обострилось внимание к

региональной литературной традиции как к источнику территориального самосознания. Ведь именно язык, словесное творчество – от простого именованья мест и этиологических мифов до романа – оставалось главным инструментом формирования и репрезентации образов пространства³².

Язык – это менталитет, способ построения текста, локального или сверх текста, определение его ритма, его образной системы, – всего, что создает хронотоп, создает текст. Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, ни один из компонентов которого не может функционировать и существовать без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его.

Термин «регионализм» в современном дискурсе используется в разных значениях³³: в XIX в. он употреблялся как политический термин, обозначающий «автономизирующие общественные движения в различных европейских регионах с XIX в.»³⁴, но в дальнейшем вошел в обиход в 90-х гг. XIX в. Как литера-

³² Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопэтика как основа геополитики // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 198.

³³ В статье «Регионализация и регионализм: понятие и классификация» О.Ч. Цыренова представлены основные подходы к определению понятий «регионализм» и «регион». См. Цыренов О.Ч. Регионализация и регионализм: понятие и классификация // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 65–68. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-i-regionalizm-ponyatie-i-klassifikatsiya> (дата обращения 01.02.2019)

³⁴ Morgan F.W. Three Aspects of Regional Consciousness // The Sociological Review. – 1939. – Vol. XXXI. – № 1. – P. 77.

турное понятие его впервые использовал провансальский поэт де Берлюж-Перюсси в 1874 г.³⁵ Как общественно-политическое движение регионализм на рубеже XIX–XX вв. был реакцией на централизацию управления современным государством через неприятие нивелирующего влияния мегаполисов на любую культурную деятельность в провинции и ратовал за сохранение языка, диалекта, фольклора, традиций. Региональная концепция включает феномен *культурного регионализма*, который В.Н. Стрелецкий определяет совокупностью таких важнейших индикаторов как: региональное самосознание – самоотождествление людей с той или иной территорией; этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность / гетерогенность регионального (местного) сообщества; характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура; языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы); конфессиональная структура; специфика духовной культуры³⁶.

Региональный литературный процесс как локальная литературная модель

В новейшем литературоведении все четче очерчиваются современные тенденции исследования литературы по *региональным признакам*, поэтому к основным признакам регионализма как культурного феномена мы добавляем и *региональную литературу*. Первые ростки изучения региональной литературы как отдельного феномена отвергают формальное единство (*слитное – унитарное – блочное*) исследования художественных текстов литературы и поощряют открытие многих факторов регионального уровня, влияющих на творческий процесс и на исход литературной политики регионов. Более сорока лет назад М.М. Бахтин писал:

Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. <...> Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти самые вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои новые стороны, новые смысловые глубины³⁷.

Более того, изучение образов географического пространства, ландшафтной и культурно-этнической феноменологии пространства мы определяем как *региональную геопоэтику*, понимая символический образ географической территории, края, региона как единое целое. Такой образ формируется, когда террито-

³⁵ Цит. по *Mecklenburg N. Erzählte Provinz.* – P. 10.

³⁶ *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм в Германии и России: дис. ... д-ра геогр. наук. – Институт географии РАН, 2012. – С. 39–40.

³⁷ *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. – Москва: Художественная литература, 1986. – С. 507–508.

рия, ландшафт в своем собственном бытии становятся предметами эстетической и философской рефлексии³⁸.

Таким образом, геопоэтика соединяет картины мира, рожденные в рамках породившей её геополитики, с образами пространства в индивидуальном и коллективном творчестве, в том числе с образами, формирующимися в национальной культуре в результате освоения отдельных мест, регионов, разных пространств, включая виртуальные.

Подход ориентации на архаику мифа и мифопоэтическая парадигма современных постмодернистских текстов национальных литератур дают возможность трансформации знаков и образов пространства и интерпретации национальных символов. Подобный подход позволяет нам определить существование отдельного литературного пласта – литературы «малой родины». Мы определяем литературу «малой родины» как региональную модель литературы, имеющую статус региональной по отношению к материковой и описывающей этновитальность и вневременность *локуса*, пространственные образы пространства вне зависимости от его размеров. Литературная *модель* региональной геопоэтики составляет литературу «малой родины».

Идентификационные факторы **регионализма** влияют на функционирование региональной литературы и на ее специфику. Региональный литературный процесс выстраивает **локальную литературную модель**, своеобразный аналог национального литературного процесса. Предложенная нами модель векторных отношений³⁹ является одной из первых попыток формирования системы модели региональной литературы. При всей неоднозначности качественного уровня и художественной практики региональной литературы, можно определить, что **эта модель литературы малой родины** относится, как правило, к литературе, выпускаемой в масштабе **ниже национального**. Литературы регионов вписываются в пределы региона, независимо от его физических размеров.

Национальное многообразие региональных литератур может стать инструментом для изучения как мировой литературы в целом, так и исследований от универсального к локальному: через континентальное, национальное, региональное, краевое, районное, в зависимости от основных векторов динамики литературных и культурных пространств, научных парадигм и реалий современных межлитературных взаимодействий.

В культурной жизни Европы рубежа XIX–XX вв. «регионализм» рассматривается как явление, возникшее в результате усиления на протяжении XIX в.

³⁸ См.: Подлесных А.С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2008.

³⁹ Беженару Л.Е. Векторная динамика региональной литературы. К постановке вопроса // Славянские чтения. – 2015. – № 4. – С. 152–158.

тенденций к *национальному* самоопределению, отразившегося в политическом, научном и художественном мышлении разных стран, поэтому европейская литературная регионалистика распределилась по странам. В этом смысле, Юрий Дружников говорит о

дроблении самой литературы по странам. Это по-прежнему *национальные* интересы: финансовые, этнические, политические. В США не любят ни европейских фильмов, ни романов, во Франции у американских писателей видят негибкость чувств, интеллектуальный инфантилизм и справедливо боятся «кока-кольной культуры»⁴⁰.

В Германии быт немецкой провинции и немецких деревень в региональной «литературе родной стороны» (*Heimatliteratur*) описывают В. Раабе, Л. Гангхофер, А. Бартельс. *Heimat* – не Отечество в целом, а то конкретное место, родная сторона, откуда происходит писатель, и которое он воспроизводит во всех этнографических и бытовых подробностях. Литературное направление, возникшее в Германии в последние десятилетия XIX в. и просуществовавшее до 1933 г., с девизом «Долой Берлин», поэтизировало деревенскую жизнь, ценность которой виделась представителями этого направления в устойчивых традициях и в прочных связях с природой, и отрицало город, который превращал сельского жителя в люмпена, преступника, революционера. Изображая хутор, деревню, небольшое селение, литературное направление *Heimatliteratur* отчетливо тяготело к региональной проблематике.

В американском литературоведении американская литература признана как литература самобытно национальная, а ее *местный колорит* определяется как основной компонент региональной литературы, будь то в прозе или поэзии. Главное – авторы должны фокусировать свое и читательское внимание – на символах, диалектах, обычаях, топографии и других составляющих определенного региона. Американская региональная литература считает своими основными источниками американские традиции и натурализм-реализм. Американская регионалистика определяет авторские установки «*outside*» и «*inside*» – т.е. взгляд на регион с «*внешней*» точки зрения — глазами путешественника, и с «*внутренней*» точки зрения — глазами постоянно живущего в том или ином регионе человека, который передает свои почвенно-территориальные, общественно-политические и психологические впечатления, связанные с регионом. Особенный акцент делается на детские «инстинкты» — неосознанное переживание своей связи с краем.⁴¹ В США «литература местного колорита», «зер-

⁴⁰ Дружников Ю.И. Роман как катарсис. Ответы Юрия Дружникова на вопросы участников «круглого стола» "Кризис или метаморфозы: судьба романа на рубеже веков" (Варшава, 2000) // Сайт Юрия Дружникова. – URL: <http://www.druzhnikov.com/text/besed/7.html> (дата обращения 01.02.2019)

⁴¹ Яранцев В. Литература Сибири или сибирская литература? // Сибирские огни. – 2013. – № 11. – URL: <http://litbook.ru/article/5355/> (дата обращения 01.02.2019)

кальное» (в идеале) отражение природы и быта того или иного региона, или «региональная литература», началась с романа „Georgia Scenes”, («Картинки Джорджии»/«Сценки из жизни Джорджии») О.Б. Лонгстрита⁴², представляющего жизнь обитателей фронта южного захолустья со стороны.

Если американская региональная литературная традиция демонстрирует тенденцию к своеобразной «культурной сецессии», т.е. к определенной необходимости сохранения *культурной* идентичности, которая представляется важным средством региональной субэтнической самоидентификации, то китайская региональная литература редко заменяет национальную идентичность традиционностью, что скорее всего является реакцией на растущую централизацию (политическую и идеологическую), выражающуюся в разочаровании в западных литературных моделях и продвижении популярной в литературе крестьянской темы, локальной и национальной идентичности. Среди писателей этого направления можно выделить представителей Четвертого поколения «Nativist» литературы (Лу Сюнь, Сяо Хун), которое укрепилось в 1930-х и 1940-х гг. и перешло в Nativist движение в Тайване в 1960-х и 1970-е гг., связав свою деятельность с получением Тайванем независимости. Аналогичное движение в 1980-е гг. в КНР – это реакция на централизацию власти и на идеологию эпохи Мао⁴³.

Отражение региональной литературы как общекультурной тенденции в художественной литературе идентифицируется посредством *регионального романа* как одного из жанров региональной литературы. В нем в полной мере изображается регион во всей его историко-географической конкретности, факт чего обусловил специфику авторского подхода к региональной тематике, позволяющей ввести в художественный мир произведения определенный комплекс авторских идей и представлений.

В английской литературе развитие регионального романа связано с именем Дж. Элиот⁴⁴, которая рассматривала регион как органическое единство двух

⁴² «Картинки Джорджии» – книга очерков и рассказов, впервые опубликованных в газетах в начале 1830-х гг.

⁴³ Pei-feng Chen. Nativist Literature, History and Ballads: The Establishment of an Interpretive Community for Taiwan Literature under Colonial Rule // Taiwan Historical Research. – 2011. – Vol. 18 – No. 4. – P. 109–164.

⁴⁴ Джордж Элиот (George Eliot – настоящее имя Мэри Энн Эванс, 1819–1880) – видная представительница английского реализма второй половины XIX века. Среди созданных ею художественных произведений семь романов – «Адам Бид» («Adam Bede», 1859), «Мельница на Флоссе» («The Mill on the Floss», 1860), «Сайлас Марнер» («Silas Marner», 1861), «Ромола» («Romola», 1863), «Феликс Холт» («Felix Holt», 1866), «Миддл-марч» («Middle march», 1871–1872) и «Даниель Деронда» («Daniel Deronda», 1876); цикл повестей «Сцены клерикальной жизни» («Scenes of Clerical Life», 1858), а также несколько поэтических работ и образцов малой прозы. Все произведения связаны общей темой, пространством и социальной структурой изображаемой в них общины. Анализ каждого произведения базируется на авторском виде-

взаимосвязанных сфер бытия – сельской и городской, как единое пространство в территориальном, социально-экономическом и культурном планах, отличающееся от смежных областей прежде всего климатическими и топографическими особенностями. Характер регионального ландшафта оказывает влияние на формирование системы ценностей населяющей его общины. Сама община изображается как живой организм, развивающийся и функционирующий по законам природного мира. Ее «деревенские романы» изображают деревенский образ жизни и сельскую жизнь гармоничной и самодостаточной. Только триединство – человека, природы и общины – может стать залогом духовного возрождения и развития индивида.

В Испании Эмилия Пардо Басана⁴⁵ посвятила свои романы провинциальному городу, северо-западной Испании и жизни Галисии, в итальянской литературе патриархальную жизнь сардинских крестьян описала Грация Деледда⁴⁶; историческая область на юго-востоке Франции, ныне составляющая часть региона французская провинция Прованс запечатлена на страницах произведений Жана Жионо⁴⁷, а прошлое Боснии вспоминает на страницах своих произведений сербский писатель Иво Андрич⁴⁸. В болгарской региональной литературе

нии провинциального существования, взаимодействия общины с окружающим ландшафтом и роли, которую община играет в жизни индивида. Элиот видит регион как органическое единство двух взаимосвязанных сфер бытия – сельской и городской.

⁴⁵ Лучшие романы и рассказы испанской писательницы Эмилии Пардо Басана (исп. Emilia Pardo Bazán; 1851–1921) посвящены быту и нравам провинциального города (*El cisne de Vila morta*, 1885; *Los pazos de Ulloa*, 1886; *Doña Milagros*, 1894) и деревни (*Bucolica*, 1884).

⁴⁶ Итальянская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе Грация Деледда (ит. Grazia Deledda, 1871–1936) в своих произведениях *Fior di Sardegna* / Цветок Сардинии (1892), *Le vie del male* / Дороги зла (1892), *Racconti sardi* / Сардинские рассказы (1895), *Anime oneste* / Честные души (1895) описывает родную ей действительность, знакомит читателя с замкнутой, своеобразной жизнью, уцелевшими от далёкого прошлого нравами и обычаями, невежеством, легковерием и пылкой фантазией народа, с любовью воссоздает красоту родных гор и лугов, среди которых живет народ, считающий большие города чем-то необыкновенно далёким и чуждым и говорящий на своем особом наречии. В романе «Элиас Портолю» (*Elias Portolu*, 1903) обрисована, наряду с сардинским пейзажем и бытом, психология человека из народа.

⁴⁷ Жан Жионо (фр. Jean Giono, 1895–1970) – французский прозаик, поэт, драматург и публицист, действие произведений которого, как правило, происходит во французском Провансе, в Альпах Верхнего Прованса, где автор родился и жил многие годы. Вместе с тем воображение писателя не остается узко провинциальным. Он напряженно, метафорично, философично и при этом вполне увлекательно и динамично описывает провинциальный регион.

⁴⁸ Иво Андрич (серб. Иво Андрић / Ivo Andrić; 1892–1975) – югославский писатель и дипломат. Единственный югославский писатель, удостоенный Нобелевской премии в области литературы (1961). В историческом романе «Мост на Дрине» (сербохорв. *Na Drini ćuprija* / На Дрини ћуприја, 1945) Андрич сумел дать яркую и живую картину жизни своего народа в течение столетий, на территории Вишеграда и всего Балканского полуострова. Действие в

Йордан Йовков посвятил свои «Старопланинские легенды» описанию сельской жизни Стара-Планина-Балканских гор и Антимовскому постоялому двору (сборник рассказов «Вечера на Антимовском постоялом дворе») ⁴⁹.

В большинстве стран провинциальные регионы выступают как центры культуры, литературы, являются хранилищем национальной специфики «большой литературы».

Как соотносится национальная геопоэтическая доминанта с региональной? Если говорить о русском / российском пространстве, то можно утверждать, что региональные геопоэтические доминанты – сибирская, уральская, кубанская, Русского Севера – в основном похожи друг на друга культурным стереотипом русского пространства – определениями дали, шири и безграничности. В культурно-историческом контексте для России типична *иная*, чем в Западной Европе, *модель* освоения пространства. Особенность русского сознания – ориентация на экстенсивный способ освоения территории: пространство скорее исследуется и описывается «вширь», а не «вглубь». Геопоэтический же стереотип Кавказа определяется кавказской горской цивилизацией, соединяющей в себе, кроме полиэтничности и религиозного синкретизма, особенности кавказского ландшафта – высокогорье, предгорье и равнины. На имеющемся общем широком фоне кавказоведческих исследований, а также этнологических исследований и публикаций, касающихся кавказской проблематики, можно выделить тот факт, что культурные рубежи на Кавказе часто размыты и приобретают отчетливый характер, главным образом, в местах этнических разломов. Определяя *региональную идентичность* по уровню ментальности, можно определить регионы по социокультурному миру или **типу культуры** – например, ментальность восточная, кавказская, балканская, славянская, в нашем случае; **по уровню национальных культур** – например, ментальность русская, румынская, болгарская, азербайджанская; **по уровню субкультур**, носителями которых

романе, в частности, происходит в городе Вышеград, где и находится тот самый легендарный мост на реке Дрине. В октябре 1961 года Шведская Академия присудила роману «Мост на Дрине» Нобелевскую премию. В память о нобелевском лауреате режиссер Эмир Кустурица построил в Вышгороде собственный город. Он называется Андричград (по имени писателя) и расположен на берегу Дрины.

⁴⁹ Йордан Стефанов Йовков (болг. Йордан Стефанов Йовков, 1880–1937) – поэт-символист и прозаик. Й. Йовков провел половину своей жизни в Добрудже, одном из беднейших краев Болгарии, о котором впоследствии писал: «Я 30 лет прожил в селе. В это время и оформилось мое отношение к жизни, к людям. К этому времени относятся все самые сильные и самые значительные мои переживания» («Златорог». Кн. VIII. С. 308–309). Основоположник болгарского военного рассказа. Работая в Бухаресте, на материале старых болгарских легенд, народных песен, преданий и летописей создал цикл «Старопланинские легенды». В сборниках «Старопланинские легенды» (1927), «Вечера на Антимовском постоялом дворе» (1928) автор воссоздает дух старой Болгарии и ее историю.

являются различные социальные группы – например, ментальность православная, мусульманская.

Выделяя региональный уровень ментальности, можно, на наш взгляд, говорить о регионально-локальном воплощении общенационального уровня ментальности. Вопрос о региональном аспекте русской культуры был поставлен исследователями достаточно давно (В. Абашев⁵⁰, Д. Замятин⁵¹), однако до настоящего времени он не потерял своей актуальности. Сибирь, регион, который нас заинтересовал, – это своеобразный этно-социальный локус, обладающий целым рядом уникальных черт и в то же время вписанный в общерусскую социокультурную традицию. Ментальное поле культуры ведет к возникновению культуроспецифичных текстов и даже художественных миров, имеющих ярко выраженную территориальную определенность. В.Г. Белинский отмечал, что «есть как петербургская литература, так и литература московская»⁵², ибо в сознании общества есть **идея Москвы** и **идея Петербурга**, которые и задают отличия соответствующих литератур, формируя «петербургский текст»⁵³ и «московский текст» русской литературы. Н.С. Лесков⁵⁴, П.И. Мельников-

⁵⁰ *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Звезда, 2008; *Абашев В.В.* Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2012; *Абашев В.В., Абашева М.П.* Уральская словесность в культурном ландшафте: виды, перспективы // Вопросы литературы. – 2014. – № 1. – С. 47–59; *Абашев В.В.* Неосязаемое тело города. Опыт работы со смыслом // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 10–16.

⁵¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. – Москва: Знак, 2006; *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – Москва: Аграф, 2004; *Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 125–137; *Замятин Д.Н.* Географические образы в культуре: методологические основы изучения // Культурная география. – Москва: Институт наследия, 2001. – С. 127–143.

⁵² *Белинский В. Г.* Петербургская литература // Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845 / под редакцией Г.А. Соловьева. – Москва: Художественная литература, 1981. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml (дата обращения 02.04.2019)

⁵³ Понятие «петербургский текст» ввел в литературоведческий обиход московский филолог В.Н. Топоров в 1971 г. В научный оборот понятие вошло в 1984 г. См. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – Москва: Прогресс; Культура, 1995. – С. 259–367.

⁵⁴ В число ведущих локальных сверткестов русской культуры входит Московский текст русской литературы, который, по мнению большинства исследователей, появился в первой половине XIX столетия и продолжает свое развитие в настоящее время. Первопрестольная проявляет в посвященных ей текстах различные, иногда взаимоисключающие друг друга черты. В Московский текст русской литературы исследователь О.С. Шурупова включает произведения В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, А.Ф. Вельтмана, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, В.С. Филимонова, А.Н. Майкова, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, А.И. Куприна, В.Я. Брюсова, А. Белого, М.И. Цветаевой и др.

Печерский⁵⁵, Д.Н. Мамин-Сибиряк⁵⁶, В.Г. Короленко⁵⁷ и писатели-разночинцы во второй половине XIX в. раздвинули «географические и пространственные рамки» литературы⁵⁸. На волне «областнических» тенденций, наиболее ярко

(См.: Шурупова О.С. Концептосфера городских сверхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2017.)

⁵⁵ Н.С. Лесков, сборник рассказов, вышедший под общим названием «Праведники» («Фигура», «Человек на часах», «Несмертельный Голован» и др., 1876—1889)

⁵⁶ П.И. Мельников-Печерский, эпическая диалогия «В лесах» и «На горах». Диалогия Мельникова повествует о старообрядчестве региона Заволжье середины XIX в., об обычаях местного населения, скитах и тайных сектах, о заготовке леса, о старообрядческих обычаях и верованиях, о хлебной торговле, о монастырских нравах, о поверьях, легендах, о еде. В центре романов – жизнь нескольких купеческих семей в переломный исторический момент, когда торговое сословие обрело в русском обществе реальную силу. «Красильниковы» – рассказ о характере русского купца. Рассказ наполнен массой деталей из реальной жизни, которые могут быть интересны этнографам и фольклористам. На интересном диалекте говорит девка-чернавка купца Красильникова. Повесть «Гриша» (1861) интересна разнообразными портретами старообрядцев.

⁵⁷ В 1881–1882 гг. появляется *серия путевых очерков* «От Урала до Москвы» Д.Н. Мамина-Сибиряка, опубликованная в московской газете «Русские ведомости». Затем его *уральские рассказы и очерки* появляются в изданиях «Устой», «Дело», «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Отечественные Записки». В 1883 г. на страницах журнала «Дело» появляется первый роман Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». В 1884 г. в «Отечественных записках» выходит второй роман «Горное гнездо», закрепивший за Маминым-Сибиряком славу писателя-реалиста. В 1895 г. писатель издает роман «Хлеб», а также двухтомный сборник «Уральские рассказы». (**Примечание редакции:** во 2-м номере *Historia Provinciae* (2019) опубликована статья Е.Ю. Казаковой–Апкаримовой «Индивидуализация российского провинциального города: образ уральского города в травелогe Д.Н. Мамина-Сибиряка», посвященная анализу путевых впечатлений писателя. Поскольку устойчивые образы и идеи, связанные с городом, репрезентируются в индивидуальном творчестве местных литераторов, автор обратился к произведениям одного из наиболее известных уральских писателей Д.Н. Мамина-Сибиряка, с целью на примере городов Урала конца XIX в. реконструировать представления современников об уникальности или типичности российского провинциального города. Полагаем, что практически одновременное обращение авторов к единой проблематике свидетельствует о её высокой актуальности.)

⁵⁸ Значительная часть литературных произведений писателя В.Г. Короленко навеяна впечатлениями о детстве, проведенном на Украине, и ссылкой в Сибирь. «Полесская легенда», «Лес шумит» (1886), изображающая времена запорожского казачества; цикл очерков «Мултанское жертвоприношение» (1895–1898) о крестьянах-удмуртах из с. Старый Мултан, ложно обвиненных в ритуальном убийстве; цикл очерков «Сорочинская трагедия» (1907) о расправе с крестьянами местечка Сорочинцы – это лишь часть локального текста Короленко. Короленко считают тонким психологом и талантливым пейзажистом. Цикл его очерков «У казаков» характеризуется использованием широкого спектра художественных приемов отражения действительности и выразительных средств, свойственных фольклору. В них автор описывает свое знакомство с Уралом и особенности его казачьего рыбного промысла. Короленко называли «Колумбом» казачьего Уральска.

проявившихся в Сибири, оживлялась и местная литературная жизнь. Региональной, или как тогда говорили, местной литературе уделяли внимание представители культурно-исторической школы (А.Н. Пыпин, П.П. Пекарский, Н.С. Тихонравов)⁵⁹, за её развитие ратовали сибирские «областники» (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, А.П. Щапов)⁶⁰.

Сибирское / русское – в составе славянского геокультурного пространства

Характер связи региональной сибирской литературы с общерусским историко-литературным и – шире – социокультурным процессом, а также выявление границ самобытности региональной сибирской культуры, привели к установлению регионально-специфичных черт, создающих «сибирский текст». Сибирское / русское – в составе славянского геокультурного пространства – это гипертрофированный русский локус, который «пестрит» самостоятельными этносами коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Своеобразие Сибири – географического и социокультурного края – осознавали многие исследователи. Традиционная культура кумандинцев на настоящий момент является одной из наиболее изученных тем в алтайской этнографии. Различные аспекты культуры данного народа раскрывались в публикациях

⁵⁹ См. *Пыпин А.* Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. – 1888. – Г. 23. – [Т. 2]. – Кн. 4, апрель. – URL: http://az.lib.ru/p/pyrin_a_n/ (дата обращения – 01.03.2019); *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1862; *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1863.

⁶⁰ По сравнению с периодом возникновения европейского регионализма, проблематика регионализма с «русским лицом» – *областничества* – зародилось на десятилетие раньше, чем в европейском пространстве, в петербургском кружке сибирских студентов, в который входили Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Серафим Шашков, Николай Наумов, Федор Усов. По возвращении в Сибирь в 1863 г. члены кружка активизировали свою деятельность. Действуя в контакте с политическими ссыльными русскими и поляками, областники готовили восстание. Рассматривая Сибирь как политическую и экономическую колонию России, а сибиряков — как новую сибирскую нацию, отдельные областники выдвигали лозунги отделения её от России или предоставления Сибири автономного статуса. В статьях идеологов *областничества* его проблематика ставилась уже в 1864-м, а в устных беседах и переписке – задолго ранее, но в системном подходе оказалась представленной лишь в работе Г.Н. Потанина «Областническая тенденция в Сибири» (1907) и материалах сибирских съездов 1917 г. Идеолог региональной литературы Г.Н. Потанин, равно как и его статья, в которой автор называет себя «сибирским патриотом», заслуживают всестороннего компетентного изучения. См. *Потанин Г. Н.* Областническая тенденция в Сибири. – Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. В конце XX–XXI вв. в Сибири получило развитие необластничество, в связи с чем вновь стали актуальными работы сибирских областников как выразителей сибирской идентичности.

Н.П. Дыренковой⁶¹, П.И. Каралькина⁶², И.И. Назарова⁶³, Л.П. Потапова⁶⁴, Ф.А. Сатлаева⁶⁵. Была создана своеобразная карта «географии культуры»⁶⁶ территории современной Сибири, на которой представлены исторические маршруты освоения, подобные «Сибирскому пути» XVII – первой половины XVIII вв., продолжающие репродуцировать многие ценности традиционной культуры своего времени. Вместе с тем пока не сложилось единого центра⁶⁷, который смог бы объединить все народы и этносы Сибири и отстаивать их интересы на различных уровнях. Считаем, что «сибирский текст» как региональная литература, «сибирский текст» о малой родине – Сибири и «социокультурный тип сибиряка» являются объединяющими компонентами сибирской региональной идентичности и сибирского региона как субкультурного локуса. Регионально-локальное воплощение общенационального уровня ментальности можно про-

⁶¹ Н.П. Дыренкова (1899–1941) – признанный специалист в области языка, быта, фольклора тюркских народов Сибири, заслужившая при жизни мировое признание. «Настольные» работы Н.П. Дыренковой: фундаментальный труд «Шорский фольклор» (1940), «Культ огня у алтайцев и телеут» (1926), «Умай в культуре сибирских тюрков» (1928), «Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири» (1929) и др.

⁶² Каралькин П.И. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Краткие сообщения Института этнографии. – 1953. – Т. XVIII. – С. 29–38.

⁶³ Назаров И.И. Изучение кумандинцев в последней трети XX века // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции, Барнаул, 25–30 марта 2001 г). – Барнаул: Алтайский университет, 2001. – С. 41–43; Назаров И.И. Место представлений о хозяйке воды в рыболовческом комплексе кумандинцев // Культура. Социум. Творчество: Материалы Всероссийской конференции и V Всероссийского научно-практического семинара «Досуг. Творчество. Культура» / Ответственные редакторы М.А. Жигунова, Н.А. Томилов, Н.Ф. Хилько. – Омск: Омский государственный педагогический университет, 2002. – С. 157–160; и др.

⁶⁴ Потапов Л.П. (1905–2000) – советский и российский этнограф, доктор исторических наук, профессор, крупнейший исследователь истории и культуры народов Южной Сибири. Автор работ «Очерки истории алтайцев» (1948), «Происхождение и формирование хакасской народности», «Очерки народного быта тувинцев» (1969), «Этнический состав и происхождение алтайцев» (1969) и др.

⁶⁵ Кумандинский учёный, историк, этнограф, исследователь истории и этнографии северных алтайцев (кумандинцев) Ф.А. Сатлаев (р. 1931) – автор работ «Кумандинцы Алтайского края», «Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.)», «Сельская община кумандинцев во второй половине XIX – первой половине XX в.» и др.

⁶⁶ См.: Федоров Р.Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 229–234.

⁶⁷ Центром Сибири считают Новосибирск, который расположен в самом центре Западной Сибири, примерно на полпути от Москвы до Владивостока, а также Тюмень.

следить по модели русской и других культур, и в румынской, болгарской, азербайджанской картинах мира.

В повести «Реки» Евгений Гришковец делится **своими воспоминаниями, которые связаны с конкретным локусом – необъятной Сибирью**. Он рассуждает не только о жизни сибиряков, их быте, ментальных особенностях, но и о представителях других народов. Дихотомия «Я – другой» является неотъемлемой составной частью «модели мира», – она формирует идеалы, задает императивы, поэтому проблемное поле повести включает феномен «другости», который проявляется на страницах текста посредством информации об англичанах, немцах, украинцах, китайцах, представителях других стран. Автор оперирует не только дихотомией *большая родина / страна / отчизна – малая родина*, но и дихотомией *я – другой*. Исходя из того, что каждая культура любого уровня развития по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/иных, *образ страны* и *образ народа*, *образ инаковости* «всплывают» в детских воспоминаниях героя – повествователя как рецепция и репрезентация *своего* мира и мира *других*. Сконструировав свою идентичность как идентичность «сибиряка», который «будет демонстрировать широту сибирского характера, сорить деньгами, что-то громко говорить про честь, доброту, справедливость», в свойственной ему манере автор сомневается, задает сам себе вопросы, пробует понять себя и то, «как живут другие люди». Рассуждения героя очень похожи на монологи пьес Гришковца, но дополнительно включают определенные географические смыслы и образы:

У нас здесь английское оборудование стоит и система тоже английская, — говорил инженер. — Хорошая техника. Наши комбайны, в общем, задуманы неплохо, но только ломаются постоянно. А англичане молодцы. Делают технику и нам, и африканцам, и австралийцам. Я-то поездил немало. Смотрел шахты в Бельгии. Но там мелочь, а не шахты. Украинцы тоже мучаются. У них-то угля осталось чуть-чуть. <...> — В Англии был, — продолжал он, — но там шахты — это уже музей. В Америке был. В Австралии вот недавно побывали. Там у них такое же, как у нас оборудование и устройство шахт похожее. <...> При этом в его интонации не было ни поэзы, дескать, видали мы эту Австралию, мол, ничего особенного. Не было в его интонации и дремучей бесчувственности. Только спокойствие. Спокойствие!⁶⁸

Российская цивилизационная идентичность на этапе первоначального становления испытала определенное давление образцов и стереотипов развития европейских цивилизаций. Познание географических «смыслов» и «образов», которыми наполнено геокультурное пространство в воображении людей разных эпох, территорий, культур и *пространство как образ* представлено вне исторического или даже геософского осмысления проблемы цивилизационной

⁶⁸ Гришковец Е.В. Реки. – URL: <http://irisha-romanova.narod.ru/reki1.html> (дата обращения 01.02.2019)

идентичности. Столь важный элемент, как географические образы пространств страны, в своем происхождении – европейский, стал «точкой отсчета» и для Евгения Гришковца в его попытках оконтуривания российской / сибирской идентичности и идентичности *другого*. Автор описывает *свою* Сибирь не понаслышке, не со страниц книг, не с чужих воспоминаний или из статей историков, географов, этнографов, статистиков и других ученых. Он знающий очевидец и внимательный наблюдатель всего происходящего, потому описания необыкновенных красот этого края правдивы, а потому и не похожи на описания Ипполита Завалишина, Сперанского, Герсеванова или Шелгунова⁶⁹:

Сибиряки позволяют себе пожалеть всех: *южан* за то, что они не знают жизни и ничего серьезного и трудного не пережили, *москвичей* за то, что у них там, в Москве, суета, и жизни нет, *питерцев* за то, что они сильно умные, но настоящей жизни не знают, *китайцев* за то, что их много, *японцев* за то, что у них мало земли и они сами маленькие, желтые и странные, *индусов* за то, что те какие-то бесхарактерные и неприспособленные всё к той же жизни, *американцев* за то, что те, как говорят знающие люди, дураки и у них там не жизнь, *африканцев* за то, что они бедные, неграмотные, черные и у них там жарко, *французов* за то, что у них все шиворот навыворот, а простоты жизни нет, ну, чтобы по-простому, *латиноамериканцев* всех вместе, без разбора, за то, что они там где-то далеко, чего-то там танцуют, поют, а какая там у них жизнь — не понятно. *Немцев* сибиряки уважают, но тоже жалеют за их аккуратность, за то, что они там постоянно работают, за то, что у них все качественно получается, но жизни-то все равно нет.⁷⁰

Автор находит очень тонкие грани этнической идентификации, и эти *этнодифференцирующие признаки идентичности* – это как бы обратная сторона собственной самоидентификации. Сквозь призму различения ее критериев проступает восприятие *не-нас* и самоидентификация народа. Описание автором элементов геокультурных пространств и традиционных национальных культур – от цвета кожи и чувства национального самосознания до обычаев и климата – является важнейшим признаком идентификации этноса, народа, культуры. И в этой «симфонии» культур, традиций и народов российский регион Сибирь уже не предстает перед читателем как миф о сакральном центре, о земле обетованной или о пространстве пустоты. Прозаик использует образ Сибири для обозначения восточной ментальности и «сибирского» образа жизни не как миф, а как совокупность условных эмблем и знаков, среди которых *город* – как *малая родина*, и *река* – как основная ее составляющая – играют решающую роль.

«Реки» – это книга не только *про и для* сибиряков, это книга поколения 1960–1970-х гг., в которой нашли отражение приметы советского времени. Это

⁶⁹ См. Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Сибирский вестник. – 1866. – № 3. – URL: <http://www.volgota.com/ru/node/144> (дата обращения 01.02.2019)

⁷⁰ Гришковец Е.В. Реки.

мысли-воспоминания о *городе детства*, о потерянной *малой родине*, которая сохранилась только в воспоминаниях ребенка.

Заключение

Смена интереса культуры с истории на географию, со времени на пространство позволило авторам – писателям и исследователям – по-разному определять геопоэтическую доминанту пространства. О раскрывающемся в слове Пространстве впервые написал в 1908 г. поэт Велимир Хлебников в своем эссе «Курган Святогора»⁷¹. Рустам Рахматуллин в своем интеллектуальном бестселлере «Две Москвы, или Метафизика столицы», следуя мистической концепции Кеннета Уайта, знакомит читателя со своим *мистическим* осмыслением пространства, соприкасающимся с термином «метафизическое краеведение»⁷². Немецкий исследователь Татьяна Хофманн исследует смыслы и образы пространства на грани геопоэтики и литературной этнологии⁷³. Геопоэтику рассматривают и как

особый вид литературоведческих изысканий, сфокусированных на том, как *Пространство* раскрывается в слове — от скупых, назывных упоминаний в летописях, сагах, бортовых журналах пиратских капитанов до сногшибательных образно-поэтических систем⁷⁴.

В.В. Абашев определяет геопоэтику как

раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов⁷⁵.

⁷¹ Хлебников В. Курган Святогора // Хлебников В. Творения / под общей редакцией М.Я. Полякова. – Москва: Советский писатель, 1986. – С. 579–581.

⁷² Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. – Москва: АСТ, 2009.

⁷³ Хофманн Т. Литературные этнографии Украины: проза после 1991 года. – Санкт-Петербург: Алетей, 2016; Хофманн Т. Севастопология. – Москва: Алгоритм, 2017; Hofmann T. Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach, 1991. – Basel: Schwabe verlag Basel, 2014.

⁷⁴ Голованов В.В. Геопоэтика Кеннета Уайта // Октябрь. – 2002. – № 4. – С. 158. (Исследователь определяет такие поэтические системы у В. Хлебникова (применительно к системе Волга – Каспий), у А. Сент-Экзюпери (Сахара), у Сен-Жон Перса (Гоби, острова Карибского моря), у Гогена (Полинезия)).

⁷⁵ Абашев В.В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: сборник статей. – Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; АМБ, 2006. – С. 18.

В рамках исследуемой проблемы доминирующие геопозитические образы-тексты русской культуры (Петербурга и Москвы, Крыма, Кавказа, Сибири, Урала, Поморья) можно определить как *пространство сверхреальности*, как *возвращение к целостному поэтическому восприятию и переживанию мира*. (Л.Б.) В этих геопозитических образах ощущается неразрывная и эмоционально напряженная связь с ландшафтом, связь, которую можно считать встречей с *иным, не-Я*, с непостижимым *Другим*. В российском литературном процессе создается художественная модель мира, в которой концепт «регион» связан с поэтикой «областнической» (региональной) литературы⁷⁶. Сегодня он возрождается в новом качестве в рамках *филологической регионалистики*: с древними сюжетами и архаичными героями, существующими в фольклоре и литературе разных стран, которые указывают на аналогичность микромира национальных литератур⁷⁷. Изучение геопозитического текста имеет не только культурологический и филологический, но и практический политический интерес, – считает В.В. Абашев⁷⁸.

Проведенный в данной статье анализ позволяет сделать следующие выводы. До сих пор существует разноречивость теоретических подходов к пониманию «геопозитики», объединяющей научные исследования синтеза географического и художественного пространства текста. Возникла необходимость создания интегрированной дисциплины, смежной гуманитарной науки. В нашем понимании *геопозитика* – поэтика литературно-художественной местнографии; местнографическая образность литературы; особенности мировоззрения писателя, переданные в художественном изображении местности; образ пространства; «язык» природно-ландшафтных зарисовок.

Ментальное поле национальных культур способствует образованию специфических художественных текстов, которые кроме художественной ценности, имеют территориальную определенность. К таким текстам можно отнести «сибирский текст», «кавказский текст», «балканский текст». Сравнительно-типологический анализ подобных текстов в аспекте межжанрового диалога способствует укреплению национальных связей, повышает осознание степени самоидентичности, укрепляет корни национальной культуры.

Термины «регион» и «регионализм», закрепившиеся в разных отраслях науки, претерпевают сегодня качественное изменение. Изменение статуса и расширение функций региона и регионализма как общефилософских и культуроло-

⁷⁶ Феномен «областничества» характерен советской литературе. Он рождается в 1920-х гг. после появления «Донских рассказов» М. Шолохова.

⁷⁷ См.: Сигов В.К. Преподавание русской литературы в многонациональном классе. – Москва: Школьная книга, 2008.

⁷⁸ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Изд. 2-е, доп. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – С. 488.

логических понятий требует уточнения степени их влияния на региональную литературу, определение ее места в национальном фонде культуры и литературы.

“Region asks for rebranding”

Fiction has always been the most important source for studying images of geographic space and a generator of geopoetic images that influence the processes of national and territorial identity. The interest in the problems of space in literary writing, in meta-geography and modelling of spatial images, and in the renewal of new “territorial myths” (Igor Sid),¹ not only identifies, correlates and intertwines with such areas of research as literary studies of local history, literary regionalism, and cultural and humanitarian geography, but also leads to the emergence of the latest field of study called geopoetics,² which captures the interaction and the unity of the landscape (geo) and the cultural form (poetics) and is determined as “the intellectual (mental, artistic, etc.) development of geographical space by man; the totality of forms and means of such development.”³ The emergence of *geopoetics* [henceforth italics mine] is associated with determining the influence of geographical space on the spiritual life of a nation, with the need for new conceptualization (historical, geopolitical, anthropological, philosophical and aesthetic) of a territory, and with the choice of dominant features of a landscape, its specific features and characters. Genius loci, which, according to Petr Vail', connects “intellectual, spiritual, emotional phenomena with

¹ See I.O. Sid, *Geopoetics. Essays, Articles, Commentaries* [in Russian] (St Petersburg: Aleteya, 2017).

² The initial – mystical – geopoetics was invented in 1979 by Kenneth White, a Scott essayist, in one of his expeditions (see K. White, *Guido's Map: A European Pilgrimage* (Aberdeen: Aberdeen University Press, 2015); K. White, *The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge* (Aberdeen: Research Institute for Irish and Scottish Studies, 2013). There are many definitions of geopoetics, such as “metaphysical study of local history”, “mythogeography” (I.I. Mitin), “humanitarian geography”, “sacral geography”, “geo-culturology”, and “geo-literary studies.” The scientific approach to the new concept was demonstrated by the participants of the 2nd International Conference on Geopoetics held in 2009 and dedicated to the clarification of the terminology of geopoetics.

³ M. Boiko, “New Oil (A Conversation with I.O. Sid)” [in Russian], *Nezavisimaya Gazeta*, October 27, 2011, accessed February 01, 2019, http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html.

their material environment”⁴ “can be depleted like a well” (Igor Sid), that is why re-generation of new myths is a new impulse to the study of **local** [henceforth emphasis mine] cultural phenomena (urban, regional, national). The representatives of the Crimean Geopoetic Club⁵ believe that “the region with its rich mythology (historically authentic or fictional) attracts attention, . . . its life becomes richer,” that is why “the region asks for rebranding.” The researchers from the Urals (E. Vlasova, V. Abashev, A. Firsova) define geopoetics as mapping the culture, on the one hand, and as a work on the formation of a geographically differentiated *body* of the culture,⁶ on the other.

Knowledge of geographical “meanings” and “images” that fill geo-cultural space in the imagination of the people from different eras, territories, cultures, and *space as an image* are represented beyond the historiosophical or even geosophical understanding of the problem of civilizational identity. *Space as an image* suggests another vision of the chronotope structure of the text and of the parameter of space. In geopoetics space absorbs time, and the local chronotopes acquire meaningful power.

It is in space that times co-exist, it is through space that multi-temporal appears as simultaneous; in space, a thing (non-sign) acquires the property of a connotative sign; space “works” as memory, as the last and universal intertext. The local chronotope breaks through the timelessness of space, and the text itself embodies this chronotope without time, where the irreversible concrete event acquires a different temporal status due to the mnemonic – metonymic – trace by which it is attached to space.⁷

In recent studies based on the ideas of M. Bakhtin, chronotope is defined as a structural law of the genre. By analogy, we can distinguish a typological series of chronotopes based on the national characteristics of a particular literature.

⁴ P.Vail', *Genius Loci* [in Russian] (Moscow: KoLibri, 2006), 3.

⁵ The club includes Andrei Baldin, Olga Balla, Ekaterina Dais, Dmitrii Zamyatin, Sergey Zhadan, Alexandr Lyusyi, Vadim Rabinovich, Rustam Rakhmatullin, Igor Sid, and Tatyana Hofmann. Among successive “waves” of the world history – agrarian, industrial, and post-industrial – Igor Sid sees in geopoetics “the beginning of the fourth wave, which is conventionally referred to as ‘mythological.’ This process is similar to oil production. Metaphysical energy is being pumped out of the earth at an accelerated rate and that is the energy that was once brought there by the poets’ myth-making.” See I.O. Sid., comp., *Introduction to Geopoetics: An Anthology* (Moscow: Art Khaus media; Krymskii Klub, 2013): 57.

⁶ See E.G. Vlasova and V.V. Abashev, comps. *Text and Map: The Urals in the Travelogues of the Late 18th – Early 20th Century: A Collection of Articles* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2016); V.V. Abashev and A.V. Firsova, “Location Plan: Literature as a Guide-Book,” in *Text and Map*, 7–22; A.V. Firsova, “Literary Mapping of Space,” in *Text and Map*, 23–39; E.G. Vlasova, “The Origins of the Image of the Urals: Reports about Scientific Travelers of the Late 18th Century,” in *Text and Map*, 51–75).

⁷ O.G. Revzina, “Chronotope in Contemporary Novel” [in Russian], in *Literary Text as a Dynamic System. Proceedings of the International Scientific Conference Devoted to the 80th Anniversary of V.P. Grigoriev, May 19–22, 2005*, ed. N.A. Fateeva (Moscow: Azbukovnik, 2006), 265–79.

Orientation to the archaic myth is an approach that, in our opinion, most clearly highlights the national origins of literature, makes it possible to understand similarity / divergence of Western and Eastern mythical themes and images of space. The generally valid mythopoetic paradigm of present-day postmodern texts of national literatures forms the transformation of space signs and interprets national symbols.

Region as a part of European thought

Currently, representatives of different sciences (history, philosophy, cultural studies, sociology, geography, ethnography, literary studies, etc.) turn to the study of local cultural phenomena (urban, regional, and national). Turning to space, philology enters the sphere of the pragmatics of literary text, therefore, as E. Vlasova believes,

the method of original mapping of geocultural meanings and semiotic analysis can form the basis for a universal methodology for interpreting individual texts and phenomena in the perspective of the general development of local culture.⁸

She refers to the ideas of V. Abashev and A. Firsova about the influence a literary text produces on space:

By connecting the plot, events and characters of a literary work with a real place, by describing its landscapes and details, the writer changes the place. He reorganizes it in a new way, gives it new meanings, attributes to the place a new personology and eventfulness . . . a literary text constructs an ideal symbolic space, but on getting into the prototype place, the reader uses the work of fiction instrumentally, as a kind of a guide-book. In such cases, one of the specific aspects of the pragmatics of a literary work – its mapping function – is particularly noticeable.⁹

This process, sometimes referred to as cognitive mapping, leaves much space for studying the imagery and metaphors of the language of a *region*.

Regional science, or regionalistics, which is an independent branch of knowledge and practical action, has a framework of concepts, with its “code words” including the pluralism of the term *region* that has several definitions. Region is defined depending on the specific goals of sciences studying this phenomenon. The theory of integration within the framework of the functional approach regards *region* as an active and dynamically developing unit. In the theory of pluralistic communicative integration formulated in the works of K. Deutsch,¹⁰ *region* can be both constructed and

⁸ E.G. Vlasova, “The Origins of the Image of the Urals: Reports about Scientific Travels of the Late 18th Century” [in Russian], *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no. 2 (2013): 170.

⁹ V.V. Abashev and A.V. Firsova, “Location Plan: Literature as a Guide-Book” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, iss. 4 (2010): 98.

¹⁰ K.W. Deutsch, “The Development of Communication Theory in Political Science,” *History of Political Economy*, vol. 7, iss. 4 (1975): 482–98.

deconstructed in ideally-symbolical and spatially-geographical terms. The criteria for singling out regions are not the same: on the one hand, some regions are identified on the basis of the characteristics of homogeneity, and on the one hand, others are singled out based on coherence (internal unity, system).¹¹ According to Deutsch, regional integration can evolve in a way similar to how people's solidarity is strengthened within a nation. He is the author of the interpretation of regional blocs of states as security communities. He also stressed that while the establishment of formal institutions is most important for national integration, the achievement of peace and security by strengthening mutual trust among the nations inhabiting the states is of utmost importance for international integration.

In the first half of the 20th century, *region* became a part of certain European thought, which, along with the socio-political movement, included the development of the regional concept as one of the methods of geography and also effective promotion of the region in the cultural sphere and the flourishing of regional literature.

The slogan "Europe of the Regions" as a new paradigm for the development of geopolitics marked the beginning of the modern process of transition from "Europe of the States to Europe of the Regions" in the late 1960s.¹² It refers to increasing the role of the regions in the architecture of the European continent, the development of European integration and all-European cooperation that had been hindered by tough confrontation between the two systems in the previous decades. The interdependency of the modern world has led to a high degree of commonality of this process, both for Western, Central and Eastern Europe, and for Russia. At the same time, each individual European region responds to the challenges of the times in its own way. This process is influenced by the national, cultural, historical, geopolitical, legal, social and economic characteristics of the region.¹³ In this respect, the European Charter of Local Self-Government (including the European Charter for Regional or Minority Languages) is a kind of "the Bible" for all European regions. It was adopted by the

¹¹ K. Deutsch, "On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West," in *Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan*, ed. Per Torsvik (Bergen; Oslo; Tromsø: Universitetsforlaget, 1981), 2–8.

¹² "Europe of the Regions" is a form of European regionalism, cross-border cooperation and integration on the continent. It was given its first theoretical explanation in the work by Paul Vidal de la Blanche *La France de l'Est* [Eastern France] (1917). The French geographer and geopolitician, the author of the concept of possibilism and the founder of the French geographical school attached particular importance to human geography, arguing that any landscape is a product of human labour as well as of natural events. The scientist proposed a non-conflict idea of turning the disputed border lands of Alsace and Lorraine into a zone of mutual cooperation between France and Germany. See E.B. Alaev, *Socioeconomic Geography: Dictionary of Terms and Concepts* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1983), 66–67.

¹³ See T.V. Zonova, "From Europe of the States to Europe of the Regions" [in Russian], *Polis*, no. 5 (1999): 155–64.

Council of Europe in 1985, but has not been ratified by the majority of its member countries yet. It mentions cultural, economic, social, and administrative regions¹⁴ and the establishment of the European Committee of the Regions as an advisory body, which consists of local and regional representatives and aims at mitigating regional contradictions that have been accumulating within economic space of the EU without bringing them to a higher, global level.

The study of the simultaneous processes of globalization, on the one hand, and regionalization (with its extreme manifestation in the form of localization, i.e. hierarchization of regions up to the local level), on the other, led to an attempt to coin a new term, “glocalization.” A region does not always act as a territorial unit of a state. Currently there are more than 30 regions in Europe, united into the special Working Group on cross-border regional programs.¹⁵ Mediterranean Integration Program,¹⁶ German-Dutch Euregions, the agreement between Switzerland, France and Germany on Regio Basiliensis, as well as the synergic triangle covering the territories from Barcelona and Karlsruhe to Milan, the Atlantic Arc sea route, and the Four Motors association, the driving force of the European industrial development, are intended to become significant factors of interconnection between the economic experience of the territories that are part of a certain region, and the groups that express certain interests. In this sense, a region is viewed as a unit that responds in a certain way to changing conditions that affect economic growth and welfare.¹⁷ In order to expand cross-border cooperation to Eastern European countries, the Alpine Convention¹⁸ is developing a regional program for the Carpathians. For this purpose, a new project, Carpathomontana, is being developed on the basis of the Euromontana program that is already in operation.

This trend is connected with the problem of developing specific legislative framework for European regionalism, the so-called regional (territorial) autonomy,¹⁹

¹⁴ W. Weidenfeld and W. Wessels, *Europe from A to Z. Guide to European Integration* [in Russian] (Riga: Alberts XII, 2008), 15.

¹⁵ Zonova, “From Europe of the States to Europe of the Regions,” 155–64.

¹⁶ The French region of the Southern Pyrenees is developing joint initiatives with Northern Portugal, while Lombardy is developing joint initiatives with Catalonia.

¹⁷ A.P. Klemeshev, “The Region in the Context of Globalization” [in Russian], *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, no. 2 (2009): 22.

¹⁸ In 1991, the Alpine Convention was signed in Strasbourg, under which Italy is responsible for projects aimed at the development of the alpine agriculture, energy supply and water resources; France is responsible for tourism and territorial administration; Switzerland, for transport; Germany, for the environmental protection and soil improvement; Austria, for the preservation of mountain forests.

¹⁹ The issue of the legal framework for the European regionalism was discussed at the conference *La 3-me Conférence européenne des régions de montagne. Congrèsses de pouvoirs locaux et région de l'Europe: Chamonix, 15–17 septembre 1994* [The 3rd European Conference of Mountain Regions. Congresses of Local Authorities and Europe Region: Chamonix, 15–17 September 1994].

which can provide a solid foundation for the concept of new regionalism²⁰ based, in particular, on the principle of subsidiarity, which implies redistribution of competence and also co-operating (partnership) and flexible financing. According to Konstantin Kazenin, special attention and qualified assistance should be given to the regional policy of Russia (where special economy was created for Chechnya, which resulted in hatred to the residents of that region of Russia) and the regional problems of Ukraine (a composite country, consisting of individual macro-regions that build relations with each other on the principle of opposition rather than dialogue).²¹

Mutual understanding and dialogue should be learned on the basis of comprehensive studies of the interaction of various aspects of human existence and the environment, which are meant for avoiding the extremes of “one-dimensional” interpretations of the cultural space. According to the plans of the regionalists, freeriding or full freedom of choosing a route will inevitably increase the level of “transnationality”²² of European culture, which is why one more regional initiative, the European Capital of Culture,²³ was started in order to contribute to deeper understanding of cultural diversity of Europe and of common European cultural values as well. The theme of the program should be relevant for the entire population of the winning country and for Europe as a whole – such are the demands that the European Commission

Proceedings of the conference were published in *Politique culture rye locale et régionale en Europe: compétences et pratiques, Etudes et travaux: Les éditions du Conseil de l'Europe* [Local and regional cultural policy in Europe: competences and practices, Studies and works] (Strasbourg: Conseil de l'Europe, 2000).

²⁰ New regionalism as a paradigm for studying political strategies reflects changes both in research approaches and in the approaches to studying the practices of regionalization and regional integration in the post-bipolar world.

²¹ K. Kazenin, “The Caucasus: Konstantin Kazenin. An employee of the Gaidar Economic Policy Institute, co-author of the report ‘The North Caucasus: Quo vadis?’ Konstantin Kazenin talks about the disintegration of the clan system and why people join extremist groups” [in Russian], interview by Asya Chachko, *Afisha*, no. 362 (2014), accessed February 01, 2019, <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kavkaz-konstantin-kazenin/>.

²² In modern conditions, intercultural (transcultural / cross-cultural) communication is becoming more and more important. It takes place in various spheres of human life: economic, political, military cooperation; different cultural events (exhibitions, festivals); studying abroad; fashion; sports; tourism. Globalization trends act as a catalyst for the process of cross-cultural communication and lend it new qualitative forms during regionalism processes in the context of the countries of Eastern and Western Europe.

²³ The existence of the European Capital of Culture is an opportunity to show the richness and diversity of European culture and European identity. On June 13, 1985 Melina Mercouri, Minister of Culture of Greece, initiated the process of choosing a European Capital of Culture. The initiative consists in annually choosing a city to be the center of cultural life of the continent in order to draw attention to its cultural development. The title of the European Capital of Culture is designated by a special commission since 1985, when Athens became the first city in this prestigious list. Since then, 37 cities have participated in the project.

makes on the cities that apply for the title of the Capital of Culture, thereby determining the essence of cross-cultural communication, that is equal dialogue and interaction of values between different cultures. Marat Gel'man amplifies the answer to the question whether Moscow is a world cultural capital or not, as well as the EU criteria for the annual Capital of Culture with the criterion of *the artist's interest in a locus*:

So many foreign artists work in Moscow. You cannot do something good only for *ones of your own* – it is either good for everyone, or bad for everyone. Therefore, Moscow has not become an international city. As long as it is not interesting for an artist, wherever he was born, whatever language he speaks. . . . Civilization is becoming urban, patriotism is becoming urban. In Germany, no one will tell you, “I am a German,” but they are sure to say, “I am a Berliner” or “I am from Munich.”²⁴

Siberian novelist Vladimir Beryazev believes that “a person should move in space in order to meet himself.”²⁵

Moreover, regions play a certain *frontier* role. Siberia is considered the new centre of Russia and Eurasia, located both in the middle between Europe and China, and in the centre of the most promising economic region of the world between the Arctic and Indian oceans. The project of Yu. Krupnov about the neo-industrial mission of the South of Western Siberia²⁶ introduces the perspective of a new macro-region, the New Middle East or Middle Eurasia. This region includes the classical Middle East (Iran, Afghanistan, Iraq and Pakistan), Central Asia and Western Siberia and also the project of the new city, Sibstream, which is a network city that unites the largest cities of the South of Western Siberia and suggests the resettlement of Moscow and Moscow metropolitan area, a kind of directional *razmoskvichivaniye* [literally, de-Muscovite-ing, decentralizing and dispersing Moscow capital region]. According to the authors of the project, the large family as a new Russian standard is essential as a cultural and ethnic resource as well as a way to overcome the national demographic catastrophe.

Everything said above about the imagery and metaphors of the region together with diverse and interesting framework of concepts illustrates and confirms the con-

²⁴ M. Gel'man, “Culture: Gel'man. The Author of the Project ‘Cultural Alliance,’ a Curator and a Gallerist Marat Gelman on Cultural Policy, on the Necessity to Develop Regions” [in Russian], *Afisha*, no. 362 (2014), accessed February 01, 2019, <http://mag.afisha.ru/stories/zhizn-posle-sochi/kultura-marat-gelman/>.

²⁵ V.A. Beryazev, *My Oecumene. Prose. Sketches. Essays* [in Russian] (n.p.: Ridero, 2017), accessed April 01, 2019, <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beriyazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html>

²⁶ Yu. Krupnov, “Siberia is the New Central Russia, or How the South of Western Siberia Will Become the Center of New Industrialization” [in Russian], *Voyennoye obozreniye*, August 23, 2013, <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializacii.html>.

structured character of regional images, attitudes, and myths. Researchers understand a *region* as follows:

A territory or constituent part of a state, which can be considered as relatively unified from a historical, social, and geographical points of view.²⁷

Following V. Fedorov, we also attribute the concept of *cultural landscape* to one of the methodological approaches that enable complex consideration of the sociocultural characteristics of the region's territory. Despite the lack of an unambiguous interpretation of cultural landscape concept in modern science, in most general terms it can be understood as a complex of material and spiritual forms of culture (including the particular way of life of a community) that were formed in the process of territory development.²⁸ We consider the region as the *subcultural locus of cultural regionalism*,²⁹ and of *regional geopoetics*, the typological criteria for which are its specificity as a "landscape body" (V. Kagansky) and as "humanized space" (V. Vernadsky). It is about considering the region as a certain unity conditioned by its structure and internal connections, among which *genius loci / sense of place* (Petr Vail', S. Antsiferov, Horia Zilieru) is a significant link between the people and the region. The concept of *sense of place* assumes that the people inhabiting a region have lived through a certain collective experience, on the basis of which common aspirations, interests, goals and values are formed. In this sense, *sense of place* can be connected with the *soul* of the people, who, according to the definition of the German scientist Wilhelm Wundt, are not just a sum of individuals, but also their connection and interaction that determine the peculiar development patterns of a given nation.³⁰ The "folk soul" is considered by the scientist as the highest mental process, apperception or collective creative activity that should be studied by means of concrete historical products of the peoples: their languages, myths, customs, which constitute the main areas of folk psychology. The folk soul is also reflected in the national character, which is studied by modern researchers not in its statics, but in the dynamics of the ethnos and of the relationship of man and space. G. Gachev, a researcher of the national mentality, introduces the concept of *national integrity* that is understood as "*the unity of the national*

²⁷ N. Mecklenburg, *Erzählte Provinz. Regionalismus und Moderne im Roman* (Königstein: Athenäum, 1982), 10.

²⁸ See R. Yu. Fedorov, "The Region as Socio-Cultural Space: Development, Communications, Values" [in Russian], *Severnyi region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, no. 2(16) (2007): 133–39.

²⁹ Following V. Streletskii, we consider cultural regionalism as an integral part of cultural geography, engaged in the comprehensive research of cultural regions and the phenomenon of cultural regionalism.

³⁰ See W. Wundt, *Problems of the Psychology of Nations* [in Russian] (St Petersburg: Piter, 2001), 13–19.

nature” and “*the unity of the national character of the people.*”³¹ The scientist is interested not in the national character, but in the national view of the world, national logic, habit of thought: what coordinate system a nation uses to “catch,” or understand, the world; what kind of Cosmos-Logos-Locus is formed and realized in the style of its existence; how the space axis and the time axis are reflected in the coordinate system of its perception of the world.

This approach is also the basis for the interpretation of the region by Fernand Braudel, which can be defined as ethno-philosophical: the region is an analogue to a special “world” with its unique special mentality, habit of thinking, traditions, view and perception of the world. In this conception of the sense of place, we consider the *commonality* of the “small homeland” as the **basis for regional identity**, as a specific “integral component” (V. Abashev) in the process of regional literary development. It is entangled with metaregional geography in terms of *locus*, ethnocultural and historical originality, historically deep tradition of territorial identity and regional uniqueness. In the context of the search for territorial and regional identity, the attention to the regional literary tradition as a source of territorial self-awareness has naturally intensified.

After all, it is language, verbal creative work – from simple naming of places and etiological myths to the novel – that has remained the main tool for the formation and representation of the images of space.³²

Language is the mentality, the means to compose both local texts and supertext, to define rhythm and imagery, everything that creates a chronotope and creates a text. Language, thinking and culture are interconnected so closely that they practically form an organic whole, where none of its components can function and exist without the other two. Together, they correlate with the real world, oppose it, depend on it, reflect it and at the same time form it.

In the modern discourse the term “regionalism” is used in different meanings³³: in the 19th century, it was used as a political term to denote “autonomizing social

³¹ See G.D. Gachev, *Cosmo-Psycho-Logo National Images of the World* (Moscow: Progress-Kul'tura, 1995).

³² V.V. Abashev, “‘What an Ancient Land, What a Dense History, What an Inexhaustible Power ...’: Geopoetics as the Basis for Geopolitics” [in Russian], in Mikhail Osorgin: *An Artist and a Journalist* (Perm: Mobile, 2006), 198.

³³ In the article “Regionalization and Regionalism: Concept and Classification,” O.Ch. Tsyrenov presents the main approaches to the definition of the concepts “regionalism” and “region.” See O.Ch. Tsyrenov, “Regionalization and Regionalism: Concept and Classification” [in Russian], *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, no. 9 (2012): 65–68, accessed February 01, 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-i-regionalizm-ponyatie-i-klassifikatsiya>.

movements in various European regions since the 19th century,”³⁴ but later it came into use in the 1990s. It was first used as a literary concept by a Provençal poet Léon de Berluc-Pérussis in 1874.³⁵ As a socio-political movement, regionalism at the turn of the 19th and 20th centuries was a response to the centralization of the modern state government through the rejection of the levelling influence of megalopolises on any cultural activity in the province and advocated the preservation of languages, dialects, traditions, and folklore. The regional conception includes the phenomenon of *cultural regionalism*, which V. Streletskii defines as a set of such important indicators as regional self-consciousness or self-identification of people with a particular territory; ethnic (sub-ethnic, subcultural) homogeneity / heterogeneity of a regional (local) community; a settlement structure characteristic for a regional (local) community; language (lingo-dialectal) system (including toponyms); confessional structure; specificity of spiritual culture.³⁶

Regional literary process as a local literary model

In the present-day literary theory, modern trends in the study of literature based on *regional characteristics* are becoming more and more clearly defined, therefore, we also add *regional literature* to the main features of regionalism as a cultural phenomenon. The first attempts to study regional literature as a separate phenomenon reject the formal (*joint / unitary / bloc*) unity of the literary texts studies and encourage the discovery of many regional factors that affect the creative process and the outcome of regional literary policy. More than forty years ago, M. Bakhtin wrote:

A foreign culture reveals itself fuller and deeper only in the eyes of another culture . . . We ask this foreign culture new questions, which has did not asked itself, we are looking for an answer to these questions in it, and a foreign culture is answering us, revealing to us its new sides, new semantic depths.³⁷

Moreover, we define the study of geographical space images and landscape and cultural-ethnic phenomenology of space as *regional geopoetics* and treat the symbolic image of a geographical territory, a land, a region as an organic whole. Such image is formed when a territory and a landscape in its own being become subjects of aesthetic and philosophical reflection.³⁸

³⁴ F.W. Morgan, “Three Aspects of Regional Consciousness,” *The Sociological Review*, vol. 31, no. 1 (1939): 77.

³⁵ Quoted in Mecklenburg, *Erzählte Provinz*, 10.

³⁶ V.N. Streletskii, *Cultural Regionalism in Germany and in Russia* [in Russian] (Doctoral thesis, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 2012), 39–40.

³⁷ M.M. Bakhtin, *Literary Critical Articles* [in Russian] (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986), 507–08.

³⁸ See A.S. Podlesnykh, *Geopoetics of Alexei Ivanov in the Context of the Prose about the Urals* [in Russian] (PhD thesis, Ural State University named after A.M. Gorky, 2008).

Thus, geopoetics connects the worldviews born within the framework of geopolitics that gave birth to it, with the images of space in individual and collective creative work, including the images that are being formed in the national culture as a result of the development of individual places, regions, and various spaces, including virtual ones.

The approach based on archaic myth and the mythopoetic paradigm of contemporary postmodern texts of national literatures enable the transformation of signs and images of space and the interpretation of national symbols. This approach allows us to determine the existence of a separate literary stratum – the literature of the “small homeland.” We define the literature of the “small homeland” as a regional model of literature, which has regional status in relation to that of the mainland and describes the ethnovitality and timelessness of a *locus*, spatial images of space, regardless of its size. The literary *model* of regional geopoetics makes up the literature of the “small homeland.”

Identification factors of **regionalism** affect the functioning of regional literature (hereinafter referred to as RL) and its specific features. The regional literary process builds **local literary model**, a kind of analogue of the national literary process. The proposed model³⁹ of vector relations is one of the first attempts to form a system of regional literature model. With all the ambiguities of the quality level and artistic practice of regional literature, it can be determined that **this model of literature of the small homeland** refers, as a rule, to the works published *below the national scale*. Regional literatures fit within the region regardless of its physical size.

National diversity of regional literatures can become an instrument both for studying the phenomenon of the world literature in general, and for conducting research from the universal to the local: through continental, national, regional, and district, depending on the main vectors of literary and cultural space dynamics, scientific paradigms and the realities of modern inter-literary interactions.

In the cultural life of Europe at the turn of the 19th and 20th centuries, regionalism was considered as a phenomenon that appeared as a result of strengthening the tendencies to *national* self-identification during the 19th century, reflected in the political, scientific and artistic thinking of different countries, that is why European literary regionalism was taking shape in the countries. In this sense, Yuri Druzhnikov speaks of country-based fragmentation of the literature itself.

These are still *national* interests: financial, ethnic, and political. In the United States, they don't like European films or novels; the French see American writers as those with inflexi-

³⁹L.E. Bejenaru, “Vector Dynamics of Regional Literature. On the Issue of Formulating the Question” [in Russian], *Slavyanskiye chteniya*, no. 4 (2015): 152–58.

ble feelings and intellectual infantilism, and are rightfully afraid of the ‘Coca-Cola culture.’⁴⁰

In Germany, the life of the German province and German villages is described by Wilhelm Raabe, Ludwig Ganghofer, and Adolf Bartels in the regional “literature of the native land” (Heimatliteratur). Heimat is not the Homeland as a whole, but a particular place, the native land a writer comes from that he reproduces in all ethnographic and everyday details. The literary movement that emerged in Germany in the last decades of the 19th century and existed until 1933 used the slogan “Down with Berlin” and poeticized rural life, the value of which the representatives of this movement saw in stable traditions and strong ties with nature. They rejected the city, which turned a villager into a lumpen, a criminal or a revolutionary. Portraying a farm, a hamlet, a village, Heimatliteratur revealed a clear trend towards regional subject matter.

American literary theory recognizes American literature as a unique national literature, and its *local colour* is defined as the main component of regional literature, both in prose and in poetry. The main thing is that the authors should focus their and the readers’ attention on symbols, dialects, customs, topography and other components of a certain region. American regional literature considers that its main sources are American traditions, and realism and naturalism. American regionalism defines the authors’ foci, *outside* and *inside*, i.e. the look at the region from the *external* point of view, through the eyes of a traveller; and from the *internal* point of view, through the eyes of a person permanently living in a region, who conveys his territorial, socio-political and psychological impressions related to the region. Particular emphasis is placed on childhood “instincts,” the unconscious experience of a child’s connection with the land.⁴¹ In the USA, local colour literature, a mirror (ideally) reflection of the nature and life of a particular region, or regional literature, began with the novel “Georgia Scenes” by Augustus Baldwin Longstreet,⁴² describing the life of inhabitants of the southern frontier backcountry from the external point of view.

While American regional literary tradition shows a tendency towards a kind of cultural secession, i.e. to a certain need to preserve *cultural* identity, which is viewed as an important means of regional sub-ethnic self-identification, Chinese regional literature rarely replaces national identity with traditionality, which ought to be a re-

⁴⁰ Yu.I. Druzhnikov, “The Novel as Catharsis. Answers of Yuri Druzhnikov to the Questions of the Participants of the Round Table Discussion ‘Crisis or Metamorphoses: the Fate of the Novel at the Turn of the Century’ (Warsaw, 2000)” [in Russian], *Yuri Druzhnikov Website*, accessed February 01, 2019, <http://www.druzhnikov.com/text/besed/7.html>

⁴¹ V. Yarantsev, “Literature of Siberia or Siberian literature?” [in Russian], *Sibirskie ogni*, no. 11 (November), 2013, accessed February 01, 2019, <http://litbook.ru/article/5355/>.

⁴² “Georgia Scenes” is a book of sketches and stories, first published in the newspapers in the early 1830s.

sponse to the growing (political and ideological) centralization expressed in the disappointment with the Western literary models and the promotion of the popular in literature peasant theme, local and national identity. Among such writers we can mention the representatives of the fourth generation of Nativist literature (Lu Xun, Xiao Hong) that strengthened in the 1930s and 1940s and later on turned into the Nativist movement in Taiwan in the 1960s and 1970s, linking its activities to Taiwan's independence. A similar movement in the 1980s in the People's Republic of China was a response to the centralization of power and to the ideology of the Mao era.⁴³

The reflection of regional literature as a general cultural trend in fiction is identified by means of the *regional novel* as one of the genres of regional literature. It portrays a region in all its historical and geographic concreteness, thus determining the specific character of the authors' approach to regional themes, which allows them to introduce a certain set of ideas and concepts into the literary world of their works.

In English literature, the development of the regional novel is associated with the name of George Eliot,⁴⁴ who viewed the region as an organic unity of two interrelated spheres of life, rural and urban, as a single space in territorial, socio-economic and cultural planes, which differs from the adjacent regions primarily by its climatic and topographical characteristics. The type of regional landscape influences the formation of the value system of the community that inhabits it. The community itself is shown as a living organism that is developing and functioning according to the laws of the natural world. George Eliot's "rural novels" portray village lifestyle and rural life as very harmonious and self-sufficient. Only the tri-unity of man, nature, and community can become the guarantee of spiritual rebirth and development of an individual.

In Spain, Emilia Pardo Bazán⁴⁵ dedicated her novels to the provincial town, to north-western Spain and the life of Galicia; in Italian literature, Grazia Deledda⁴⁶ de-

⁴³ Pei-feng Chen, "Nativist Literature, History and Ballads: The Establishment of an Interpretive Community for Taiwan Literature under Colonial Rule," *Taiwan Historical Research*, vol. 18, no. 4 (2011): 109–64.

⁴⁴ George Eliot (pseudonym of Mary Ann Evans, 1819–1880) is a well-known representative of the English realism of the second half of the 19th century. Her oeuvre includes seven novels: *Adam Bede* (1859), *The Mill on the Floss* (1860), *Silas Marner* (1861), *Romola* (1863), *Felix Holt* (1866), *Middlemarch* (1871–1872) and *Daniel Deronda* (1876); the cycle of stories *Scenes of Clerical Life* (1858); several poetic works and samples of short prose. All these works are connected by the common theme, space and social structure of the community portrayed in them. The analysis of each work is based on the author's vision of the provincial existence, the interaction of the community with the surrounding landscape and the role of the community in the life of an individual. Eliot sees the region as an organic unity of two interrelated spheres of being – rural and urban ones.

⁴⁵ The best novels and stories of the Spanish writer Emilia Pardo Bazán (1851–1921) are devoted to the everyday life and customs of the provincial town (*El cisne de Vila morta* [The Swan of Vilamorta] (1885); *Los pazos de Ulloa* [The House of Ulloa] (1886); *Doña Milagros*, (1894) the village (*Bucolica*, 1884).

scribed the patriarchal life of Sardinian peasants; the historical region in the south-east of France, now part of the French province of Provence, is depicted in the pages of the works of Jean Giono;⁴⁷ the past of Bosnia comes to life in the pages of the works of the Serbian writer Ivo Andrić;⁴⁸ in the Bulgarian regional literature, Yordan Yovkov⁴⁹ devoted his *Legends of Stara Planina* to the description of the rural life of the Balkan Mountains, and to the Inn at Antimovo (the collection of stories *Inn at Antimovo*).

In most countries, provincial regions act as the centres of culture and literature, and are a repository of the national specifics of the “great literature.”

How do the national and the regional dominants of geopoetics correlate? Talking about the Russian space, one can say that the regional geopoetic dominants (Siberian, Ural, Kuban, of the Russian North) basically resemble each other in terms of the cul-

⁴⁶ Gracia Deledda (1871–1936), an Italian writer, winner of the Nobel Prize in literature, in her works *Fior di Sardegna* [Flowers of Sardinia] (1892), *Le vie del male* [The way of evil] (1892), *Racconti sardi* [Sardinian stories] (1895), and *Anime oneste* [Honest souls] (1895) describes her native reality and acquaints the reader with a peculiar secluded life, with manners and customs remaining since the distant past, with ignorance, gullibility and passionate imagination of the people. She lovingly recreates the beauty of her native mountains and meadows where the people live who believe big cities to be something extraordinarily distant and alien and speak their own specific dialect. Along with the Sardinian landscape and life, the novel *Elias Portolu* (1903) portrays the psychology of a commoner.

⁴⁷ Jean Giono (1895–1970) is a French novelist, poet, playwright and essayist, whose works, as a rule, are set in French Provence, in the Alps of Haute Provence, where the author was born and lived for many years. However, the writer’s imagination does not remain narrowly provincial. He describes the provincial region tensely, metaphorically, philosophically and at the same time quite fascinatingly and dynamically.

⁴⁸ Ivo Andrić (Serbian: Иво Андрић, 1892–1975) is the only Yugoslavian writer who received the Nobel Prize in literature (1961). In the historical novel *Na Drini ćuprija* [The Bridge on the Drina] (1945), Andrić managed to draw a wonderfully bright and vivid picture of centuries-long life of his people in the territory of Višegrad and the entire Balkan Peninsula. In particular, the action in the novel takes place in the town of Višegrad, where the legendary bridge on the Drina River is located. In October 1961, the Swedish Academy awarded *The Bridge on the Drina* the Nobel Prize. To commemorate the Nobel Prize winner, film director Emir Kusturica built his own town in Višegrad. The town is called Andrićgrad (after the writer) and is located on the bank of the Drina River.

⁴⁹ Yordan Stefanov Yovkov (Bulgarian: Йордан Стефанов Йовков, 1880–1937) is a symbolist poet and prose writer. Yovkov spent half of his life in Dobrudja, one of the poorest regions of Bulgaria, which he later wrote about; “I lived in the country for thirty years. In that time my attitude to life and people was formed. The strongest and most significant of my emotional experiences date back to that time” (*Zlatorog*, book 7, p. 308–309). He was the founder of the Bulgarian military story. While he was working in Bucharest, he wrote the cycle *Legends of Stara Planina*, based on the material of old Bulgarian legends, folk songs, tales and chronicles. In the collections *Legends of Stara Planina* (1927) and *The Inn at Antimovo* (1928) the author recreated the spirit of old Bulgaria and its history.

tural stereotype of Russian space, that is the definitions of distance, width and infinity. In the cultural and historical context, if compared with Western Europe, a *different model* of space exploration is typical for Russia. The peculiarity of the Russian consciousness is the orientation towards the extensive method of exploring the territory: space is explored and described “in breadth” rather than “in depth.” The Caucasian geopoetic stereotype is determined by the Caucasian highland civilization that combines the peculiarities of the Caucasian landscape (high mountains, foothills and plains) in addition to poly-ethnicity and religious syncretism. The general wide background of the Caucasus studies and also ethnological studies and publications dealing with Caucasian problems make it possible to point out the fact that cultural frontiers in the Caucasus are often blurred and become distinct mainly in the areas of ethnic rifts. Classifying *regional identity* by the level of mentality, it is possible to identify regions according to the sociocultural world or **type of culture**, for example, Eastern, Caucasian, Balkan, or, in our case, Slavic mentality; according to the **level of national cultures**, for example, Russian, Romanian, Bulgarian, or Azerbaijani mentality; and according to the **level of subcultures** whose bearers belong to various social groups, for example, Orthodox or Muslim mentality.

Singling out the regional level of mentality, it is, in my opinion, possible to speak about the local regional embodiment of the national level of mentality. The issue of the regional aspect of Russian culture was raised by researchers a long time ago (V. Abashev,⁵⁰ D. Zamyatin⁵¹), but it has not lost its significance so far. Siberia, the region of our interest, is a peculiar ethno-social locus that possesses a number of unique features and at the same time remains a part of the all-Russian sociocultural tradition. Mental field of culture leads to the emergence of culture-specific texts and even literary worlds with pronounced territorial certainty. V. Belinskii noted that “there are both St Petersburg literature and Moscow literature”⁵² because public con-

⁵⁰ V.V. Abashev, *Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008); V.V. Abashev, *Russian Literature of the Urals. The Problems of Geopoetics* (Moscow; Berlin: Direkt Media, 2012); V.V. Abashev and M.P. Abasheva, “Ural Literature in the Cultural Landscape: Types, Perspectives” [in Russian], *Voprosy literatury*, no. 1 (12014): 47–59; Abashev V.V. “The Intangible Body of the City. An Experience of Working with Meaning” [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 12 (2010): 10–16.

⁵¹ D.N. Zamyatin, *Culture and Space: Modeling Geographic Images* [in Russian] (Moscow: Znak, 2006); D.N. Zamyatin, *Metageography: The Space of Images and the Images of Space* [in Russian] (Moscow: Agraf, 2004); D.N. Zamyatin, “Geographical Images of the World Development” [in Russian], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1 (2001): 125–37; D.N. Zamyatin, “Geographical Images in Culture: a Methodological Basis for the Study” [in Russian], in *Cultural Geography* (Moscow: Institut naslediya, 2001), 127–43.

⁵² V.G. Belinskii, “St Petersburg Literature” [in Russian], in V.G. Belinskii, *Collected Works in 9 Volumes. Vol. 7. Articles, Reviews and Notes, December 1843 – August 1845*, ed. G.A. Solov'ev (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981), accessed April 4, 2019, http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml

science contains **the idea of Moscow** and **the idea of St Petersburg**, which determine the differences between the corresponding literatures while forming the Petersburg text⁵³ and the Moscow text in Russian literature. N. Leskov,⁵⁴ P. Mel'nikov-Pechersky,⁵⁵ D. Mamin-Sibiryak,⁵⁶ V. Korolenko⁵⁷ and *raznochintsy* [miscellaneous

⁵³ The notion “Petersburg text” was introduced into literary use by a Moscow philologist V.N. Toporov in 1971. The term came into scientific circulation in 1984. See V.N. Toporov, *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetics: Selected Works* (Moscow: Progress; Kul'tura, 1995), 259–367.

⁵⁴ The leading local supertexts of Russian culture include the Moscow text of Russian literature, which, according to most researchers, appeared in the first half of the 19th century and still continues its development at present. The texts devoted to Moscow lend *Pervoprestol'naya*, the first capital city of Russia, different, and sometimes mutually exclusive features. O.S. Shurupova includes in the Moscow text of Russian literature works by V.A. Zhukovsky, E.A. Baratynskiy, A.S. Pushkin, A.F. Vel'tman, M.Yu. Lermontov, L.N. Tolstoy, V.S. Filimonov, A.N. Maikov, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, I.S. Shmelev, A.I. Kuprin, V.Ya. Bryusov, A. Bely, M.I. Tsvetaeva, et al. See O.S. Shurupova, *The Conceptosphere of the Urban Supertexts of Russian Literature (Linguo-Culturological aspects)* [in Russian] (PhD thesis, Elets State University named after I.A. Bunin, 2017).

⁵⁵ N.S. Leskov, a collection of stories, published under the general title *Pravedniki* [The righteous men] (“Figura” [Figure], “Chelovek na chasakh” [The man on the Clock], “Nesmertel'nyi Golovan” [Non-lethal Golovan], et al., 1876–1889).

⁵⁶ P.I. Melnikov-Pechersky, an epic dilogy *V lesakh* [In the forests] and *Na gorakh* [On the hills]. Melnikov's dilogy tells about the Old Believers of the Trans-Volga region in the middle of the 19th century, about the customs of the local population, about *skits*, or hermitages, and secret sects, about logging, about Old Believers' customs and beliefs, about the grain trade, about monastic morals, about beliefs, legends, and food. The novels focus on the life of several merchant families at a crucial historical moment when the trading class found real power in Russian society. “The Krasilnikovs” is the story about the character of a Russian merchant. The story is filled with a variety of real-life details that may be of interest to ethnographers and folklorists. One of the merchant Krasilnikov's maids speaks an interesting dialect. The short novel *Grisha* (1861) is of interest due to its diverse portraits of Old Believers.

⁵⁷ In 1881–1882, a series of travel sketches *From the Urals to Moscow* by D.N. Mamin-Sibiryak was published in the Moscow newspaper *Russkie Vedomosti*. Then, his short stories and sketches about the Urals appeared in the periodicals *Ustoi* [Bases], *Delo* [Labour], *Vestnik Evropy* [European Bulletin], *Russkaya Mysl'* [Russian thought], *Otechestvennye Zapiski* [Annals of the Fatherland]. In 1883 *Privalovskie milliony* [The Privalov fortune], the first novel by Mamin-Sibiryak, appeared on the pages of the magazine *Delo*. In 1884, *Otechestvennye Zapiski* published his second novel *Gornoe gnezdo* [Mountain Nest] to seal Mamin-Sibiryak's fame as a realist author. In 1895 the writer published the novel *Khleb* [Bread] and the two-volume collection *Ural'skie rasskazy* [Ural Stories]. (**Editor's note:** in vol. 3, no. 2 (2019) *Historia Provinciae* published an article by E.Yu. Kazakova-Apkarimova “Individualization of the Russian Provincial City: The Image of the Ural City in the Travelogue of D.N. Mamin-Sibiryak,” which was devoted to the analysis of D.N. Mamin-Sibiryak's travel impressions. Since sustainable images and ideas related to the city are represented in the individual works of the local writers, the author refers to the oeuvre of one of the best-known Ural writers D.N. Mamin-Sibiryak, using the example of the Ural cities of the end of the 19th century in order to reconstruct the views of his contemporaries regarding

rank and non-noble birth] writers broadened the “geographical and spatial framework” of literature in the second half of the 19th century.⁵⁸ On the tide of the regional tendencies that were most clearly manifested in Siberia, local literary life revived as well. Representatives of the cultural and historical school (A. Pypin, P. Pekarsky, and N. Tikhonravov)⁵⁹ paid attention to the regional or, as they said then, local literature. Representatives of Siberian *oblastnichestvo* [regionalism] (N. Yadrintsev, G. Potanin, and A. Shchapov) also advocated its development.⁶⁰

the uniqueness or typicality of the Russian provincial city. We believe that nearly simultaneous consideration of the same range of problems by the authors bears testimony to its high relevance.)

⁵⁸ Many of the literary works of V.G. Korolenko were inspired by the impressions from his childhood, which he spent in Ukraine, and by exile to Siberia. Among the works attributed to Korolenko’s local text are “Polesskaya legenda” [The Polesye legend], “Les shumit” [The woods murmur] (1886) about the times of Zaporozhian Cossacks; series of essays *Multanskoe zhertvo-prinoshenie* [The Multan sacrifice] (1895–1898) about Udmurt peasants from the village Saryi Multan who were falsely accused of a ritualistic murder; series of essays *Sorochinskaya tragediya* [The Sorochintsy tragedy] (1907) about the violence against the peasants of the small town of Sorochintsy. Korolenko is considered a subtle psychologist and a talented landscape painter. His series of essays *U kazakov* [At the Cossacks’] is characterized by the use of a wide range of artistic devices to reflect reality and expressive means characteristic for folklore. In these essays the author describes his acquaintance with the Urals and the peculiarities of the Cossack fishery in the Urals. Korolenko was sometimes called the Columbus of the Cossack Ural’sk.

⁵⁹ See A. Pypin, “Siberia and Exploring It” [in Russian], *Vestnik Evropy*, year 23, bk 4, vol. 2 (April 1888), accessed July 7, 2018, http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/; P.P. Pekarskii, *Science and Literature in Russia under Peter the Great: 2 vols* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”, 1862); N.S. Tikhonravov, *Monuments of the Recanted Russian Literature: 2 vols* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za,” 1863).

⁶⁰ If compared with European regionalism, the issues of the “regionalism with the Russian face,” *Oblastnichestvo* (or Siberian regionalism) were raised a decade earlier than in the European space by a Petersburg group of Siberian students. The group included Grigory Potanin, Nikolai Yadrintsev, Seraphim Shashkov, Nikolai Naumov, and Fedor Usov. Upon returning to Siberia in 1863, members of the group engaged in active work. Operating together with Russian and Polish political exiles, they were preparing a revolt. Viewing Siberia as a political and economic colony of Russia, and Siberians, as a new Siberian nation, some participants of the *Oblastnichestvo* movement advanced the slogans to separate Siberia from Russia or to grant Siberia the status of autonomy. These issues were raised in the articles of *Oblastnichestvo* ideologists as early as in 1864, and even earlier in their oral conversations and correspondence. However, the system approach was presented only in the work of G.N. Potanin *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Regional tendency in Siberia] (1907) and in the materials of the Siberian congresses of 1917. The ideologist of the regional literature G.N. Potanin and also his work, where he calls himself a Siberian patriot, merit a competent comprehensive study. See G.N. Potanin, *Regional Tendency in Siberia* [in Russian] (Tomsk: Parovaya tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1907). In the late 20th – early 21st century, Siberia saw the development of neo-regionalism, which is why the works of Siberian regionalists as the mouthpieces of Siberian identity acquired topicality again.

Siberian / Russian as part of Slavic geo-cultural space

The nature of the connection of the regional Siberian literature with the general Russian historical-literary and, more broadly, sociocultural process and the identification of the boundaries of the distinctiveness of the regional Siberian culture led to the identification of region-specific features that create the so-called Siberian text. Siberian / Russian as part of Slavic geo-cultural space is a hypertrophied Russian locus that is “dappled” with independent ethnic groups of indigenous and minority peoples of the North, Siberia and the Far East. The originality of Siberia as a geographical and socio-cultural region was understood by many researchers. The traditional culture of the Kumandins is currently one of the best studied themes in the ethnography of Altai Krai. Various aspects of the culture of these people were highlighted in the publications by N. Dyrenkova,⁶¹ P. Karal'kin,⁶² I. Nazarova,⁶³ L. Potapov,⁶⁴ F. Satlaev.⁶⁵ A specific map of “geography of culture” in the territory of mod-

⁶¹ N.P. Dyrenkova (1899–1941) is a recognized expert in the field of language, life, and folklore of the Turkic ethnic groups of Siberia. She earned worldwide recognition during her lifetime. The most important works of N.P. Dyrenkova include the fundamental *Shorskii fol'klor* [Shor folklore] (1940), *Kul't ognya u altaitsev i teleut* [The cult of fire of the Altaians and Teleuts] (1926), *Umai v kul'ture sibirskikh tyurok* [Umai in the culture of Siberian Turks] (1928), *Ptitsa v kosmogonicheskikh predstavleniyakh turetskikh plemen Sibiri* [The bird in the cosmogonic beliefs of the Turkish tribes of Siberia] (1929), et al.

⁶² P.I. Karal'kin, “The Kumandins (Based on Materials from the Sayano-Altai Expedition of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences)” [in Russian], in *Brief Messages of the Institute of Ethnography*, vol. 18 (Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953), 29–38.

⁶³ I.I. Nazarov, “The Study of the Kumandins in the Last Third of the 20th Century” [in Russian], in *Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Research Results and Prospects at the turn of the millennia (Materials of the XLI Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference, Barnaul, 25–30 March, 2001)* (Barnaul: Izdatel'stvo altaiskogo universiteta, 2001), 41–43; I.I. Nazarov, “The Place of the Ideas about the Mistress of Water in the Fishing Complex of the Kumandins” [in Russian], in *Culture. Society. Creativity: Materials of the All-Russian Conference and V All-Russian Scientific-Practical Seminar ‘Leisure. Creation. Culture’*, ed. M.A. Zhigunova, N.A. Tomilov, N.F. Khil'ko (Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2002), 157–60; et al.

⁶⁴ L.P. Potapov (1905–2000) is a Soviet and Russian ethnographer, doctor of historical sciences, professor, the greatest researcher of the history and culture of the peoples of Southern Siberia. He is the author of *Ocherki istorii altaitsev* [Essays on the history of Altaians] (1948), *Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti* [The origin and formation of the Khakass nationality], *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the everyday life of the Tuvinians] (1969), *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev* [Ethnic composition and origin of Altai Krai] (1969), et al.

⁶⁵ F.A. Satlaev (b. 1931) is a Kumandin, a scholar, historian, ethnographer, researcher of history and ethnography of the Northern Altaians (the Kumandins). He is the author of the works *Kumandintsy Altaiskogo kraya* [The Kumandins of Altai Krai], *Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.)* [The Kumandins (a historical and ethno-

ern Siberia was drawn,⁶⁶ which shows historical routes of the region's exploration, similar to the "Siberian Way" of the 17th – first half of the 18th century, that continue to reproduce many of the values of the traditional culture of the time. At the same time, a single centre has not been formed yet to unite all the peoples and ethnic groups of Siberia and protect their interests at various levels.⁶⁷ Let us believe that Siberian text as regional literature, Siberian text about the small homeland Siberia, and the "sociocultural type of a Siberian" are the unifying components of Siberian regional identity and of the Siberian region as a subcultural locus. The local regional implementation of the national level of mentality can be traced through the model of Russian and other cultures and also in the Romanian, Bulgarian, Azerbaijani world-views.

In the short novel *Reki* [Rivers] Evgeny Grishkovets **shares his memories associated with a certain locus, vast and spacious Siberia**. Not only does he talk about the life of Siberians, their lifestyle and mental characteristics, but also about the representatives of other nations. The dichotomy "the I – the Other" is an integral part of the model of the world: it forms the ideals and sets the imperatives, that is why the range of problem in the short novel includes the phenomenon of Otherness, which manifests itself on the pages of the text in the information about Englishmen, Germans, Ukrainians, Chinese, and representatives of other countries. The author operates with both the dichotomy *the large homeland / country / motherland – the small homeland* and the dichotomy *the I – the Other*. Based on the fact that each culture of any level of development perceives the images of the others / the aliens in its own way, *the image of the country* and *the image of its people*, and *the image of Otherness* emerge in the childhood memories of the narrator as the reception and representation of *his own* world and the world of *the others*. Having constructed his identity as the identity of a Siberian who "will demonstrate the largesse of Siberian character, waste money, say something loudly about honour, kindness, justice," the in his own manner, the author doubts, asks questions to himself, tries to understand himself and the way "other people live." The narrator's reasoning is very similar to the monologues in Grishkovets' plays, but the additionally include certain geographical meanings and images:

We have English equipment here and the system is also English,' said the engineer. 'Good equipment. Our combines, in general, are constructed quite well, but they are always

graphic essay of the 19th – first quarter of the 20th centuries)], *Sel'skaya obshchina kumandintsev vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX v.* [Rural Community of the Kumandins in the second half of the 19th – first half of the 20th century], et al.

⁶⁶ See R.Yu. Fedorov, "Development of Siberia as a Problem of Geography of Culture" [in Russian], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (2007): 229–34.

⁶⁷ As well as Tyumen, Novosibirsk is considered the center of Siberia. Novosibirsk is located in the center of Western Siberia, approximately halfway from Moscow to Vladivostok.

breaking down. And Englishmen are great. They make the equipment for us, for Africans and for Australians. I have travelled a lot. I saw mines in Belgium. But those are nothing special, not real mines. Ukrainians also suffer. They have just a little coal left. . . . I've been to England,' he continued, 'but their mines are now a museum. I've been to America. We've just recently visited Australia. They have the same equipment as ours and their mines are constructed in similar way.' . . . At the same time, there was no show-off in his intonations, nothing like we've seen your Australia, nothing special. Dense insensitivity was not heard in his intonations either. Only composure. Composure!⁶⁸

At the stage of its initial formation, Russian civilizational identity experienced certain pressure of patterns and stereotypes of the development of European civilizations. The knowledge of geographical “meanings” and “images” that fill the geocultural space in the imagination of people from different eras, territories, cultures and *space as an image* are represented beyond historiosophical or even geosophical approach to the problem of civilizational identity. Such an important element as the geographical images of the country's spaces is European in its origin, and it became a “reference point” for Evgenii Grishkovets in his attempts to delineate Russian / Siberian identity and the identity of the *Other*. The author describes *his* Siberia based neither on what he heard about it, nor from the books, other people's memories or articles of historians, geographers, ethnographers, statisticians, and other scientists. He is a knowledgeable witness and an attentive observer of everything that is happening, that is why the descriptions of the extraordinary beauty of this region are true, and therefore they are not similar to those of Hippolyt Zavalishin, Speransky, Gersevanov or Shelgunov.⁶⁹

Siberians allow themselves to feel sorry for everyone else: the *southerners*, for not knowing life and having experienced nothing serious and difficult; the *Muscovites*, for constant bustle and no real life; the *St Petersburg people*, for being very smart but not knowing the real life; the *Chinese*, for being so numerous; the *Japanese*, for not having enough land and being so small, yellow and strange; the *Indians*, for being somehow spineless and unsuitable for the life; the *Americans*, for being fools and, as the competent people say, also having no life there; the *Africans*, for being poor, black, illiterate, and suffering the heat down there; the *French*, for always having everything upside down and no simplicity in life, well, so that everything would be done in a simple way; all *Latin Americans* together, indiscriminately, because they are somewhere far away dancing, singing, and what kind of life they have is not clear. The *Siberians* respect the *Germans*, but also feel sorry for them because of their orderliness, for the fact that they are constantly working down there, everything is good for them, but there is no real life anyway.⁷⁰

⁶⁸ E.V. Grishkovets, *Rivers*, accessed February 1, 2019, <http://irisha-romanova.narod.ru/reki1.html>

⁶⁹ See N.M. Yadrintsev, “Siberia before the Court of Russian Literature” [in Russian], *Sibirskii vestnik*, no. 3, 1866, accessed February 1, 2019, <http://www.volgota.com/ru/node/144>.

⁷⁰ Grishkovets, *Rivers*.

Thus, the author finds very thin lines of ethnic identification, and *these ethno-distinctive features of identity* are like the reverse side of one's own self-identification. The perception of *non-us* and self-identification of the people come through the prism of distinguishing its criteria. The author's description of the elements of geo-cultural spaces and traditional national cultures, from the colour of skin and the sense of national identity to customs and climate, is the most important feature of identifying an ethnos, a people, a culture. And in this "symphony" of cultures, traditions and peoples, the Russian region of Siberia is no longer presented to the reader as a myth about the sacral centre, the Promised Land or some void space. The author uses the image of Siberia to refer to the eastern mentality and the Siberian way of life not as a myth, but as a set of conventional emblems and signs, among which the *city as the small homeland*, and the *river* as its main component – play the distinctive role.

Rivers is a book not only *about* the Siberian people and *for* them, but it is also a book of the generation of the 1960s–1970s that reflects the signs of the Soviet era. These are thoughts and memories about the *city of childhood*, about the lost *small homeland*, which is preserved only in the memories of the child.

Conclusion

The shift of cultural interest from history to geography, from time to space, allowed the authors, writers and researchers, to determine the geopoetic dominant of space in different ways. In 1908 Velimir Khlebnikov, a poet, was the first to write about space that reveals itself in word, in his essay "Svyatogor's Barrow."⁷¹ Following Kenneth White's mystical conception, in his intellectual bestseller *Two Moscows, or Metaphysics of the Capital*,⁷² Rustam Rakhmatullin introduces the reader to his *mystical* understanding of space, which remains in contact with the term "metaphysical local history." German researcher Tatjana Hofmann explores the meanings and images of space on the junction of geopoetics and literary ethnology.⁷³ Geopoetics is also viewed as

⁷¹ V. Khlebnikov, "Svyatogor's Barrow" [in Russian], in V. Khlebnikov, *Creations*, ed. M.Ya. Polyakov (Moscow: Sovetskii pisatel', 1986), 579–581.

⁷² R. Rakhmatullin, *Two Moscows, or Metaphysics of the Capital* [in Russian] (Moscow: AST, 2009).

⁷³ T. Hofmann, *Literary Ethnographies of Ukraine: Prose after 1991* [in Russian], trans. T. Nabatnikova (St Petersburg: Aleteiya, 2016); T. Hofmann, *Sevastopology* [in Russian] (Moscow: Algoritm, 2017); T. Hofmann, *Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach 1991* (Basel: Schwabe Verlag Basel, 2014).

a special kind of literary studies focused on how *Space* is revealed in word – from scarce nominative references in chronicles, sagas, and logbooks of pirate captains, to stunning poetic imagery systems.⁷⁴

V. Abashev defines geopoetics as

a section of poetics that has as its subject both the images of geographical space in individual creative writing and the local texts (or supertexts) that are formed in the national culture as a result of the development of certain places, regions of geographical space, and the conceptualization of their images.⁷⁵

Within the scope of the problem under study the geopoetic images-texts of Russian culture (St. Petersburg and Moscow, Crimea, the Caucasus, Siberia, the Urals, and Pomorye) can be defined as the space of *super-reality*, as the *return to holistic poetic perception and experience of the world* (Author). In these geopoetic images one can feel an inseparable and emotionally tense connection with the landscape, the connection that can be considered as an encounter with the *not-I*, the unfathomable *Other*. Russian literary process creates a literary model of the world, in which the concept of the region is associated with the poetics of *oblastnichestvo*, or regional, literature.⁷⁶ Today it is being revived in a new capacity within the framework of *philological regional studies*: with ancient plots and archaic heroes that exist in the folklore and literature of different countries, which indicates the similarity of the micro-worlds of national literatures.⁷⁷ V.V. Abashev believes that studying geopoetic text is not only of culturological and philological, but also of practical political interest.⁷⁸

The analysis carried out in this article allows us to draw the following conclusions. There is still a variety of theoretical approaches to understanding geopoetics that unites scientific research in the synthesis of the geographical and literary space of the text. There has been a need to create an integrated allied humanity discipline. In my understanding of *geopoetics*, it is the poetics of literary and artistic “localogra-

⁷⁴ V.V. Golovanov, “Geopoetics of Kenneth White” [in Russian], *Oktyabr'*, no. 4 (2002): 158. The researcher identifies such poetic systems in the works by V. Khlebnikov (applicable to the Volga–Caspian system), A. de Saint-Exupéry (the Sahara), Saint-John Perse (the Gobi, the Caribbean), and Gauguin (Polynesia).

⁷⁵ V.V. Abashev, “Geopoetic View of the History of the Urals Literature” [in Russian], in *The Urals Literature: History and Modern Times: A Collection of Articles* (Yekaterinburg: UrO RAN; Ob"edinennyyi muzei pisatelei Urala; AMB, 2006), 18.

⁷⁶ The phenomenon of *oblastnichestvo*, or regionalism, was characteristic for Soviet literature. It came into existence in the 1920s after the publication of *Donskie rasskazy* [Tales from the Don] by M. Sholokhov.

⁷⁷ See V.K. Sigov, *Teaching Russian Literature in a Multinational Class* [in Russian] (Moscow: Shkol'naya Kniga, 2008).

⁷⁸ V.V. Abashev, *Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century* [in Russian], 2nd ed. (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008), 488.

phy”; “localographic” imagery of literature; features of the writer’s worldview embodied in the literary portrayal of the locality; the image of space; the language of natural landscape sketches.

The mental field of national cultures contributes to the formation of specific literary texts that, in addition to artistic value, have territorial distinctiveness. These texts include Siberian text, Caucasian text, and Balkan text. Comparative typological analysis of such texts in terms of inter-genre dialogue promotes strengthening of national ties, increases self-identity awareness, and deepens the roots of the national culture.

The terms “region” and “regionalism” consolidated in various branches of science are undergoing qualitative change today. Changing the status and expanding the functions of the region and regionalism as general philosophical and cultural concepts requires clarifying the extent of their influence on regional literature and determining its place in the national store of culture and literature.

Список литературы

Абашев В.В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: сборник статей. – Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; АМБ, 2006. – С. 17–29.

Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопозитика как основа геополитики // Михаил Осоргин: Художник и журналист. – Пермь: Мобиле, 2006. – С. 197–207.

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Изд. 2-е, доп. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – 496 с.

Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики. – Москва; Берлин: Директ–Медиа, 2014. – 160 с.

Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 98–104.

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – Москва: Мысль, 1983. – 350 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – Москва: Художественная литература, 1986. – 543 с.

Беженару Л.Е. Векторная динамика региональной литературы. К постановке вопроса // Славянские чтения. – 2015. – № 4. – С.152–158.

Белинский В. Г. Петербургская литература // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845 / под редакцией Г.А. Соловьева. – Москва: Художественная литература, 1981. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml (дата обращения 02.04.2019)

Берязев В.А. Моя ойкумена. Проза. Очерки. Эссе. – [Б.м.]: Ridero, 2017. – URL: <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beryazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html> (дата обращения 01.04. 2019)

Бойко М. Новая нефть [Беседа с И.О. Сидом] // Независимая газета. – 2011. – 27 октября. – URL: http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html (дата обращения 01.02. 2019)

Вайль П. Гений места. – Москва: КоЛибри, 2006. – 488 с.

Вайденфельд В., Вессельс В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. – Рига: Alberts XII, 2008. – 544 с.

Введение в геоэтику: антология / Составитель И.О. Сид. – Москва: Арт Хаус медиа; Крымский клуб, 2013. – 368 с.

Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчёты об учёных путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 159–171.

Вундт В. Проблемы психологии народов. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 160 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – Москва: Прогресс-культура, 1995. – 480 с.

Голованов В.В. Геоэтика Кеннета Уайта // Октябрь. – 2002. – № 4. – С. 157–159.

Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. – 1999. – № 5. – С. 155–164.

Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 22–38.

Крупнов Ю. Сибирь – новая Центральная Россия, или Как Юг Западной Сибири станет центром новой индустриализации // Военное обозрение. – 2013. – 23 августа. – URL: <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializacii.html> (дата обращения 01.02. 2019)

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1862.

Подлесных А.С. Геоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2008. – 24 с.

Пытин А. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. – Г. 23. – 1888. – [Т. 2]. – Кн. 4, апрель. – URL: http://az.lib.ru/p/pytin_a_n/ (дата обращения 13.07.2018)

Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. – Москва: АСТ, 2009. – 704 с.

Ревзина О.Г. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамичная система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева, 19–22 мая 2005 г. / под редакцией Н.А. Фатеевой. – Москва: Азбуковник, 2006. – С. 265–279.

Сигов В.К. Преподавание русской литературы в многонациональном классе. – Москва: Школьная книга, 2008. – 192 с.

Сид И.О. Геоэтика. Эссе, статьи, комментарии. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 430 с.

Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: автореферат дис. ... д-ра географ. наук. – Институт географии РАН, 2012. – 46 с.

Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1863.

Федоров Р.Ю. Освоение Сибири как проблема географии культуры // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 229–234.

Федоров Р.Ю. Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. – 2007. – № 2 (16). – С. 133–139.

Хлебников В. Курган Святогора // Хлебников В. Творения / под общей редакцией М.Я. Полякова. – Москва: Советский писатель, 1986. – С. 579–581.

Хофманн Т. Литературные этнографии Украины: проза после 1991 года / Перевод с немецкого Т. Набатниковой. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 448 с.

Хофманн Т. Севастопология. – Москва: Алгоритм, 2017. – 222 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Сибирский вестник. – 1866. – № 3. – URL: <http://www.volgota.com/ru/node/144> (дата обращения 01.02. 2019)

Яранцев В. Литература Сибири или сибирская литература? // Сибирские огни. – 2013. – № 11. – URL: <http://litbook.ru/article/5355/> (дата обращения 02.02.2019)

Deutsch K. On nationalism, world regions, and the nature of the West // Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan / Edited by Per Torsvik. – Bergen; Oslo; Toronto: Universitetsforlaget, 1981. – P. 2–8.

Hofmann T. Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach 1991. – Basel: Schwabe verlag Basel, 2014. – 448 p.

White K. Guido's Map: A European Pilgrimage. – Aberdeen: Aberdeen university press, 2015. – 154 p.

White K. The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge. – Aberdeen: Research institute of Irish and Scottish studies, 2013. – 114 p.

Morgan F.W. Three Aspects of Regional Consciousness // The Sociological Review. – 1939. – Vol. XXXI. – № 1. – P. 68–86.

Mecklenburg N. Erzählte Provinz. – Koningstein: Athenäum, 1982. – 309 S.

References

Abashev, V.V. “Geopoeticheskiy vzglyad na istoriyu literatury Urala” [Geopoetic view of the history of the Urals literature]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statey* [The Urals literature: history and modern times: a collection of articles], 17–29. Yekaterinburg: UrO RAN; Ob"edinennyyi muzei pisatelei Urala; AMB, 2006. (In Russian)

Abashev, V.V. “‘Kakaya drevnyaya zemlya, kakaya dremuchaya istoriya, kakaya neissyakaemaya sila...’: geopoetika kak osnova geopolitiki” [‘What an ancient land, what a dense history, what an inexhaustible power ...’: geopoetics as the basis for geopolitics]. In *Mikhail Osorgin: Khudozhnik i zhurnalist* [Mikhail Osorgin: An artist and a journalist], 197–207. Perm: Mobile, 2006. (In Russian)

Abashev, V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. 2nd ed., rev. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Abashev, V.V. *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki* [Russian literature of the Urals. The problems of geopoetics]. Moscow; Berlin: Direkt–Media, 2012. (In Russian)

Abashev, V.V., and A.V. Firsova. “Plan mestnosti: literatura kak putevoditel' ” [Location plan: literature as a guide-book]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, issue 4 (2010): 98–104. (In Russian)

Alaev, E.B. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: Ponyatiyno-terminologicheskii slovar'* [Socioeconomic geography: dictionary of terms and concepts]. Moscow: Mysl', 1983. (In Russian)

Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. (In Russian)

Bejenaru, L.E. “Vektornaya dinamika regional'noy literatury. K postanovke voprosa” [Vector dynamics of regional literature. On the issue of formulating the question]. *Slavyanskiye chteniya*, no. 4 (2015): 152–58. (In Russian)

Belinskii, V.G. “Peterburgskaya literatura” [St Petersburg literature]. In V.G. Belinskii, *Sobranie sochinenii: v 9 t. T. 7. Stat'i, retsenzii i zametki, dekabr' 1843 – avgust 1845* [Collected works in 9 volumes. Vol. 7. Articles, reviews and notes, December 1843 – August 1845], edited by

G.A. Solov'ev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981. Accessed April 4, 2019. http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml (In Russian)

Beryazev, V.A. *Moya oykumena. Proza. Ocherki. Esse* [My oecumene. Prose. Sketches. Essays]. N.p.: Ridero, 2017. accessed April 01, 2019, <https://www.libfox.ru/658189-vladimir-beriyazev-moya-oykumena-proza-ocherki-esse.html> (In Russian)

Boiko, M. "Novaya neft' (Beseda s I.O. Sidom)" [New oil (A conversation with I.O. Sid)]. *Nezavisimaya Gazeta*. October 27, 2011, accessed February 01, 2019, http://exlibris.ng.ru/2011-10-27/2_sid.html. (In Russian)

Deutsch, K. "On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West." In *Mobilization, Center-Periphery structure and Nation-Building. A Volume in Commemoration of Stein Rokkan*, edited by Per Torsvik, 2–8. Bergen; Oslo; Tromsø: Universitetsforlaget, 1981.

Fedorov, R.Yu. "Osvoeniye Sibiri kak problema geografii kul'tury" [Development of Siberia as a problem of geography of culture]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (2007): 229–34. (In Russian)

Fedorov, R.Yu. "Region kak sotsiokul'turnoe prostranstvo: osvoeniye, kommunikatsii, tsennosti [Region as socio-cultural space: development, communications, values]. *Severnyi region: nauka, obrazovaniye, kul'tura*, no. 2(16) (2007): 133–39. (In Russian)

Gachev, G.D. *Natsional'nye obrazy mira: Kosmo-Psikho-Logos* [Cosmo-psycho-logic national images of the world]. Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. (In Russian)

Golovanov, V.V. "Geopoetika Kenneta Uayta" [Geopoetics of Kenneth White]. *Oktyabr'*, no. 4 (2002): 157–59. (In Russian)

Hofmann, T. *Literaturnye etnografii Ukrainy: proza posle 1991 goda* [Literary ethnographies of Ukraine: prose after 1991]. Translated from German by T. Nabatnikova. St Petersburg: Aleteiya, 2016. (In Russian)

Hofmann, T. *Sevastopologiya* [Sevastopology]. Moscow: Algoritm, 2017. (In Russian)

Hofmann, T. *Literarische Ethnografien der Ukraine. Prosa nach 1991*. Basel: Schwabe Verlag Basel, 2014.

Khlebnikov, V. "Kurgan Svyatogora" [Svyatogor's Barrow]. In V. Khlebnikov, *Tvoreniya* [Creations], edited by M.Ya. Polyakov, 579–581. Moscow: Sovetskii pisatel', 1986. (In Russian)

Klemeshev, A.P. "Region v usloviyakh globalizatsii" [The region in the context of globalization]. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, no. 2 (2009): 22–38. (In Russian)

Krupnov, Yu. "Sibir' – novaya Tsentral'naya Rossiya, ili Kak Yug Zapadnoy Sibiri stanet tsentrom novoy industrializatsii" [Siberia is the new Central Russia, or How the South of Western Siberia will become the center of new industrialization]. *Voyennoye obozreniye*. August 23, 2013. Accessed February 01, 2019, <https://topwar.ru/32301-sibir-novaya-centralnaya-rossiya-ili-kak-yug-zapadnoy-sibiri-stanet-centrom-novoy-industrializatsii.html> (In Russian)

Mecklenburg, N. *Erzählte Provinz. Regionalismus und Moderne im Roman*. Königstein: Athenäum, 1982.

Morgan, F.W. "Three Aspects of Regional Consciousness." *The Sociological Review*, vol. 31, no. 1 (1939): 68–86.

Pekarskii, P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: v 2 t.* [Science and literature in Russia under Peter the Great: 2 volumes]. St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1862. (In Russian)

Podlesnykh, A.S. *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale* [Geopoetics of Alexei Ivanov in the context of the prose about the Urals]. PhD thesis. Ural State University named after A.M. Gorky, 2008. (In Russian)

Pypin, A. "Sibir' i issledovaniya ee" [Siberia and exploring it]. *Vestnik Evropy*, year 23, bk 4, vol. 2 (April 1888). Accessed July 7, 2018. http://az.lib.ru/p/pypin_a_n/ (In Russian)

Rakhmatullin, R. *Dve Moskvy, ili Metafizika stolitsy* [Two Moscows, or metaphysics of the capital]. Moscow: AST, 2009. (In Russian)

Revzina, O.G. "Khronotop v sovremennom romane" [Chronotope in contemporary novel]. In *Khudozhestvennyy tekst kak dinamichnaya sistema. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 80-letiyu V.P. Grigor'eva, 19-22 maya 2005 g.* [Literary text as a dynamic system. Proceedings of the International Scientific Conference devoted to the 80th anniversary of V.P. Grigoriev, May 19–22, 2005], edited by N.A. Fateeva, 265–79. Moscow: Azbukovnik, 2006. (In Russian)

Sid, I.O. *Geopoetika. Esse, stat'i, kommentarii* [Geopoetics. Essays, articles, commentsaries]. St Petersburg: Aleteya, 2017. (In Russian)

Sid, I.O., comp. *Vvedenie v geopoetiku: antologiya* [Introduction to geopoetics: an anthology]. Moscow: Art Haus Media; Krymskiy Klub, 2013. (In Russian)

Sigov, V.K. *Prepodavaniye russkoy literatury v mnogonatsional'nom klasse* [Teaching Russian literature in a multinational class]. Moscow: Shkol'naya Kniga, 2008. (In Russian)

Streletskii, V.N. *Kul'turnyi regionalizm v Germanii i Rossii* [Cultural regionalism in Germany and in Russia]. Doctoral thesis. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 2012. (In Russian)

Tikhonravov, N.S. *Pamyatniki otrechennoi russkoi literatury: v 2 t.* [Monuments of the recanted Russian literature: 2 volumes]. St Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za," 1863. (In Russian)

Vail', P. *Genii mesta* [Genius Loci]. Moscow: KoLibri, 2006. (In Russian)

Vlasova, E.G. "U istokov obraza Urala: otchety ob uchenykh puteshestviyakh kontsa XVIII v." [The origins of the image of the Urals: reports about scientific travels of the late 18th century]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, vol. 2, no. 2 (2013): 159–71. (In Russian)

Weidenfeld, W., and W. Wessels, *Evropa ot A do Ya. Spravochnik yevropeyskoy integratsii* [Europe from A to Z. Guide to European integration]. Riga: Alberts XII, 2008. (In Russian)

White, K. *Guido's Map: A European Pilgrimage*. Aberdeen: Aberdeen University Press, 2015.

White, K. *The Winds of Vancouver: A Nomadic Report from the North Pacific Edge*. Aberdeen: Research Institute of Irish and Scottish Studies, 2013.

Wundt, W. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of the psychology of nations]. St Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)

Yadrintsev, N.M. "Sibir' pered sudom russkoy literatury" [Siberia before the court of Russian literature]. *Sibirskii vestnik*, no. 3, 1866. Accessed February 2, 2019, <http://www.volgota.com/ru/node/144>. (In Russian)

Yarantsev, V. "Literatura Sibiri ili sibirskaya literatura?" [Literature of Siberia or Siberian literature?]. *Sibirskie ogni*, no. 11, 2013. Accessed February 2, 2019. <http://litbook.ru/article/5355/>. (In Russian)

Zonova, T.V. "Ot Evropy gosudarstv k Evrope regionov" [From Europe of the states to Europe of the regions]. *Polis*, no. 5 (1999): 155–64. (In Russian)